

Маленькие мужчины

Автор:

Луиза Олкотт

Маленькие мужчины

Луиза Мэй Олкотт

Азбука-классика

Луиза Мэй Олкотт – знаменитая американская писательница, автор романа «Маленькие женщины», на котором воспитывалось не одно поколение читателей по всему миру. Впервые опубликованное в 1868 году в США, это произведение было переведено более чем на 50 языков и положено в основу многих фильмов и театральных постановок.

После оглушительного успеха «Маленьких женщин» и последовавших за ними «Юных жен», Олкотт создала третий роман о полюбившихся всем читателям девушках семейства Марч, назвав его, ко всеобщему удивлению, «Маленькие мужчины». А все дело в том, что неутомимая Джо вместе с мужем открыла пансионат в городке Пламфилд, где приютила сорванцов самых разных возрастов и характеров. Конечно, не все мальчики смогли сразу прижиться на новом месте. Особенно трудно приходилось беспризорникам, привыкшим полагаться лишь на свои силы и наглость. Однако мудрая забота и бескорыстная дружба способны творить настоящие чудеса!

В настоящем издании представлен новый перевод романа, отражающий всю особенность и своеобразие оригинального текста.

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие мужчины

Фредди и Джонни,

маленьким мужчинам, с которыми она провела

самые лучшие и счастливые часы своей жизни,

посвящает эту книгу любящая «тетя Види»

© А. В. Глебовская, перевод, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Нат

– Прошу прощения, сэр, это Пламфилд? – осведомился маленький оборванец у мужчины, открывшего внушительные ворота, перед которыми мальчугана высадил омнибус.

– Да. Тебя кто прислал?

– Мистер Лоренс. У меня письмо к хозяйке.

– Ладно, ступай в дом и передай в руки, она, паренек, тебя примет.

Мужчина говорил приветливо, и мальчик зашагал дальше, сильно приободренный. Сквозь мягкую весеннюю морось Нат увидел перед собой большое квадратное здание, точнее, гостеприимный на вид дом со старомодным

крыльцом, широкой лестницей и светом во многих окнах. Жизнерадостное сияние не скрывали ни занавески, ни ставни, и, прежде чем потянуться к дверному молотку, Нат успел заметить множество маленьких теней, которые танцевали на стенах, услышать завлекательный гул мальчишеских голосов и ощутить, что вряд ли эти свет, тепло и уют могут предназначаться бездомному «пареньку» вроде него.

«Надеюсь, хозяйка меня примет», – подумал он и не слишком решительно качнул большой бронзовый дверной молоток в форме головы веселого грифона.

Открыла ему румяная служанка. Взяв у него протянутое письмо, она улыбнулась. Видимо, принимать чужих мальчиков ей было не впервой, потому что она тут же указала на стул в вестибюле и проговорила, кивнув:

– Посиди тут, пусть вода на половик стечет, а я отнесу миссус.

Нат нашел, чем заполнить ожидание, – он с любопытством озирался, радуясь и увиденному, и тому, что из темноватого уголка у двери можно делать это незаметно.

Похоже, в доме так и кишели мальчишки, которые коротали дождливые сумерки, устраивая самые разные проказы. Мальчишки были повсюду, «впереди, и позади, и куда ни погляди», потому что сквозь открытые двери видны были симпатичные компании больших мальчиков, маленьких мальчиков и средних мальчиков: кто-то из них посвящал вечер отдыху, кто-то – буйству. Две большие комнаты справа явно служили классами – в них виднелись парты, карты, доски и книги. В камине пылал огонь, несколько лентяев развалились прямо перед ним, ведя беседу про новую крикетную площадку, да с таким жаром, что ботинки так и мелькали в воздухе. В одном углу, не обращая на шум никакого внимания, упражнялся в игре на флейте долговязый юнец. Еще двое-трое прыгали через парты, время от времени приостанавливаясь, чтобы отдышаться и поохотиться над забавными рисунками какого-то озорника – тот исчертил доску карикатурами на всех присутствовавших.

В комнате слева стоял длинный стол, накрытый к ужину, – вместительные кувшины со свежим молоком, горки ломтей черного и белого хлеба, аккуратные стопки глазурованных пряников, столь милых мальчишескому сердцу. Пахло тостами, и к этому благоуханию примешивались нотки печеных яблочек –

обольстительный запах для юного носа и желудка, сильно проголодавшихся.

Впрочем, веселее всего было в прихожей: у дальнего входа шла буйная игра в пятнашки. На одной площадке играли в шарики, на другой – в шашки, а на лестничной площадке сидели мальчик с книжкой, девочка с куклой (она пела ей колыбельную), два щенка и котенок; по перилам непрерывной чередой съезжали мальчишки помладше, рискуя нанести непоправимый урон как своей одежде, так и конечностям.

Засмотревшись на эту удивительную круговерть, Нат все дальше выходил из своего уголка, и, когда один особенно проворный юнец съехал по перилам столь стремительно, что не смог вовремя остановиться, а просто свалился на пол, треснувшись о него так, что не уцелела бы ни одна голова, кроме той, которая за одиннадцать лет постоянного тресканья приобрела крепость пушечного ядра, Нат забылся окончательно и бросился к поверженному ездоку, ожидая, что тот на последнем издыхании. Однако юнец мгновенно проморгался, а потом, не вставая, посмотрел в новое лицо с удивленным:

– Привет!

– Привет, – откликнулся Нат, не зная, что тут еще можно сказать: самому ему такой ответ показался кратким и подходящим.

– Ты новенький? – не пошевелившись, осведомился распростертый на полу юнец.

– Пока не знаю.

– А звать тебя как?

– Нат Блейк.

– А меня Томми Бэнгс. Пошли наверх, попробуешь съехать тоже.

Томми поднялся на ноги, будто внезапно вспомнив о правилах гостеприимства.

– Не стоит пока, сначала понять бы, оставят меня или нет, – ответил Нат, чувствуя, что с каждой секундой ему все сильнее хочется остаться.

- Гляди-ка, Деми, у нас новенький. Займись им.

С этими словами непоседа Томас вернулся к своим бойким развлечениям.

В ответ на его слова мальчик, читавший на лестнице, поднял большие карие глаза, а после короткой паузы, как будто слегка смутившись, засунул книгу под мышку и неспешно спустился вниз поприветствовать новоприбывшего – тому очень пришлось по душе симпатичное, с ласковыми глазами лицо этого стройного паренька.

- Ты видел тетю Джо? – спросил он, как будто речь шла о какой-то важной церемонии.

- Я пока никого, кроме вас, не видел. Жду, – ответил Нат.

- А дядя Лори тебя видел? – вежливо, но серьезно продолжил расспросы Деми.

- Мистер Лоренс видел.

- Он – дядя Лори, и он всегда присылает симпатичных мальчиков.

Нат просиял, услышав эти слова, – от улыбки его худенькое личико сделалось очень милостивым. Что еще сказать, он не знал, поэтому они стояли без слов, дружелюбно глядя друг на друга, пока не подошла девочка с куклой в руках. Она была очень похожа на Деми, только ростом поменьше, а лицом – круглее и румянее, да и глаза у нее были голубые.

- Это моя сестра Дейзи, – сообщил Деми, как будто речь шла о некоем редкостном и очень драгоценном создании.

Дети кивнули друг другу, на щеках девочки от удовольствия проступили ямочки, и она располагающим тоном произнесла:

- Надеюсь, ты у нас останешься. Тут совершенно замечательно, правда, Деми?

- Совершенно верно: для этого Пламфилд тете Джо и нужен.

– Похоже, действительно очень милое место, – заметил Нат, чувствуя, что должен как-то ответить на такие любезные слова.

– Лучшее место на свете, правда, Деми? – сказала Дейзи, явно считавшая брата главным авторитетом во всем.

– Ну, лично я считаю, что в Гренландии, где айсберги и тюлени, все-таки интереснее. Но Пламфилд мне нравится, тут очень хорошо, – ответил Деми, который как раз читал книгу про Гренландию. Он собирался было предложить Нату вместе взглянуть на картинки, – а он объяснит, что к чему, – но тут вернулась служанка и проговорила, кивнув на дверь гостиной:

– Так, можешь входить.

– Я очень рада. Ступай к тете Джо. – Дейзи взяла его за руку с мило-покровительственным видом, отчего Нат тут же почувствовал себя как дома.

Деми вновь погрузился в чтение, а его сестра повела новенького в заднюю комнату, где полный джентльмен резвился на диване с двумя мальчишками, а худенькая дама как раз дочитывала письмо – судя по всему, по второму разу.

– Вот он, тетушка! – объявила Дейзи.

– Так это и есть новенький? Рада тебя видеть, дружок, надеюсь, тебе у нас будет хорошо, – сказала дама, привлекая его к себе и откидывая ему волосы со лба с такой материнской заботливостью, что одинокое сердечко Ната сразу же потянулось к ней.

Была она совсем не красива, но, глядя на ее жизнерадостное лицо, каждый понял бы, что она не забыла детских причуд и привычек, и то же самое чувствовалось в ее голосе и повадках; именно эти вещи, которые непросто описать, но очень легко увидеть и ощутить, делали ее человеком легким и уживчивым, перед которым никто не робеет, – «симпатягой», как это называлось у мальчишек. Она заметила, как у Ната дрогнули губы, когда она приглаживала ему волосы, и ее вдумчивые глаза сделались мягче, а потом она притянула маленького оборвыша ближе и произнесла:

– Я – матушка Баэр, этот джентльмен – папа Баэр, а это – двое маленьких Баэров. Мальчики, идите познакомьтесь с Натом.

Троица, резвившаяся на диване, повиновалась мгновенно, полный джентльмен, посадив двух пухлых малышей на плечи, подошел поприветствовать новенького. Роб и Тедди весело улыбнулись Нату, а мистер Баэр пожал ему руку и, указав на стульчик перед камином, сердечным тоном произнес:

– Вот и местечко для тебя, сын мой, немедленно садись и высуши ноги.

– Мокрые ноги? А и действительно! Милый мой, немедленно снимай башмаки, а я моментально принесу тебе сухое! – воскликнула миссис Баэр и задвигалась с такой энергией, что Нат и глазом бы не успел моргнуть, даже если бы захотел, а уже оказался в уютном креслице, в сухих носках и теплых домашних туфлях. Вместо моргания он произнес:

– Благодарю, мадам.

Причем произнес с такой искренней признательностью, что глаза у миссис Баэр смягчились еще сильнее, и она решила обратить дело в шутку – так она всегда поступала, будучи растроганной.

– Туфли-то Томми Бэнгса, да только разве он вспомнит, что дома их надо надевать, следовательно, – не получит. Они тебе великоваты, но оно и к лучшему: надумаешь сбежать – резво у тебя не получится.

– Мне совсем не хочется сбегать, мадам. – Нат с довольным вздохом протянул чумазные ручонки к уютному пламени.

– Вот и славно! Уж я тебя прожарю на совесть и постараюсь избавить от этого мерзкого кашля. Давно он у тебя, милый? – спросила миссис Баэр, роясь в большой корзине в поисках куска фланели.

– Всю зиму. Я простудился, и он все не проходит.

– Ну еще бы, если жить в сыром подвале, а под спинку-то и рогожку не подложат! – тихо произнесла миссис Баэр, обращаясь к мужу. Тот смотрел на

мальчика вдумчивыми глазами, тут же подметившими впалые виски и обметанные лихорадкой губы, равно как и хриплый голос, и постоянные приступы кашля, которые сотрясали сгорбленные плечики под заплатанным пиджачком.

– Робин, будь паинькой, сбегай к Нянюшке, попроси у нее микстуру и мазь от кашля, – произнес мистер Баэр, взглядом послав телеграмму жене.

Ната эти приготовления несколько взволновали, однако страхи сменились искренним смехом, когда миссис Баэр прошептала ему озабоченно:

– Вот увидишь, мой проказник Тедди сейчас будет кашлять понарошку. В сироп, которым я собираюсь тебя поить, добавлен мед, он тоже хочет полакомиться.

Когда пузырек принесли, малыш Тед уже покраснел от натуги, пытаюсь выдавить из себя кашель, – ему разрешили облизать ложку после того, как Нат мужественно проглотил свою дозу, а также позволил завязать себе горло фланелью.

Едва были предприняты эти первые шаги к излечению, как громко прозвонил колокольчик, и оглушительный топот в коридоре возвестил о приближении ужина. Застенчивый Нат слегка оробел при мысли, что сейчас увидит множество незнакомых мальчиков, однако миссис Баэр протянула ему руку, а Роб покровительственно произнес:

– Не бойся, я тебя защитю.

Двенадцать мальчиков – по шесть с каждой стороны – стояли за спинками своих стульев, приплясывая от нетерпения, а долговязый юнец, до того игравший на флейте, пытался обуздать их пыл. Впрочем, никто не садился, пока миссис Баэр не заняла свое место у чайника – слева от нее сидел Тедди, а справа – Нат.

– Это наш новенький, Нат Блейк. После ужина можете с ним поздороваться. Тихо, мальчики, тихо.

При этих словах все уставились на Ната, а потом принялись усаживаться, пытаюсь делать это чинно – впрочем, безо всякого успеха. Баэры очень

старались, чтобы за едой их воспитанники вели себя подобающе, и, как правило, преуспевали, ибо правила были просты и немногочисленны, а мальчики, понимая, что им идут навстречу, изо всех сил старались им следовать. Но случилось, что голодных сорванцов было не приструнить без резкого слова, а вечер субботы, после свободной от занятий половины дня, был именно таким моментом.

– Славные мои малыши, надо же им хоть один день в неделю поорать, пошуметь и порезвиться в свое удовольствие. Выходной не выходной без радости и свободы, так что пусть хоть разок в неделю отведут душу, – говаривала миссис Баэр, когда люди строгого нрава интересовались, почему в некогда почтенных стенах Пламфилда дозволено спускаться по перилам, драться подушками и затевать иные буйные игры.

Порой действительно казалось, что упомянутые стены того и гляди рухнут, однако они не рушились, ибо одно слово папы Баэра разом смиряло стихию, а мальчики давно усвоили, что вольностями не следует злоупотреблять. Соответственно, вопреки всем мрачным предсказаниям школа процветала, ученикам прививали высокую нравственность и хорошие манеры, хотя сами мальчики плохо понимали, как именно.

Нат очень славно устроился за высокими кувшинами – Томми Бэнгс сидел неподалеку, а миссис Баэр совсем рядом, наполняя его тарелку и кружку, едва он успевал их опустошить.

– А кто этот мальчик рядом с девочкой на другом конце? – шепотом осведомился Нат у своего юного соседа, воспользовавшись взрывом смеха как прикрытием.

– Деми Брук. Мистер Баэр – его дядя.

– Ну и странное имечко!

– На самом-то деле его зовут Джон, но его прозвали Демиджон, то есть Полуджон, потому что папу его тоже зовут Джоном. Шутка такая, понимаешь? – любезно пояснил Томми.

Нат не понял, однако вежливо улыбнулся и заинтересованно спросил:

– Он очень милый, да?

– Да уж, это точно, чего только не знает и читает без остановки.

– А этот толстячок с ним рядом?

– Это Тюфяк Коул. Его настоящее имя – Джордж, но мы зовем его Тюфяком, потому что он страшный обжора. Малыш рядом с папой Баэром – его сын Роб, потом сидит большой Франц, его племянник, он кое-какие уроки ведет и вроде как за нами присматривает.

– И на флейте играет, да? – уточнил Нат, но Томми временно лишился дара речи, потому что запихал в рот печеное яблоко целиком.

Томми кивнул, а потом добавил – причем быстрее, чем, казалось бы, это возможно при таких обстоятельствах:

– Да, еще как! Мы иногда танцуем под музыку или занимаемся гимнастикой. Мне лично нравится барабан, если получится, обязательно научусь на нем играть.

– А я больше всего люблю скрипку и даже играю на ней, – сказал Нат, почувствовав себя увереннее в беседе о знакомых вещах.

– Правда? – Томми уставился на него круглыми глазами поверх ободка своей чашки. – У мистера Баэра есть старая скрипка, если захочешь, он тебе ее даст.

– А можно? Мне бы просто ужасно этого хотелось. Понимаешь, я раньше ходил с отцом и еще с одним человеком по улицам и играл на скрипке, но потом папа умер.

– Небось здорово было? – поинтересовался Томми, явно впечатленный.

– Нет, просто ужасно: зимой – холод, летом – жара. Я уставал, а еще они на меня иногда сердились и есть давали совсем мало. – Нат сделал паузу и откусил здоровенный кусок пряника, как бы убеждая себя в том, что дурные времена позади, потом с сожалением добавил: – А вот скрипочку свою я любил и очень по ней скучаю. Николо ее взял себе после папиной смерти и мне больше не давал,

потому что я заболел.

- Будешь хорошо играть – тебя в оркестр возьмут. Вот увидишь.

- А у вас тут оркестр есть? – Глаза у Ната блеснули.

- Еще бы! Отличный оркестр, одни мальчики, концерты дают и все такое. Вот подожди, завтра вечером увидишь.

После этого завлекательного сообщения Томми вернулся к еде, а Нат погрузился в сладостные мечты, сидя над полной тарелкой.

Миссис Баэр слышала этот разговор, хотя на первый взгляд была занята тем, что наполняла кружки и следила за маленьким Тедом, который засыпал на ходу, – попал ложкой в глаз, склонил, точно мак, головку и наконец засопел, прижавшись щекой к мягкой булочке. Миссис Баэр специально посадила Ната рядом с Томми – маленький непоседа обладал открытым и общительным нравом, который так располагает к себе людей застенчивых. Нат это почувствовал и прямо за ужином сделал несколько небольших признаний, которые помогли миссис Баэр разобраться в характере новенького куда лучше, чем если бы она решила поговорить с ним сама.

В письме, которое мистер Лоренс прислал с Натом, было сказано:

Дорогая Джо, история прямо специально для тебя. Этот бедняжка осиротел, болен и неприкаян. Он был уличным музыкантом, я отыскал его в подвале – он скорбел по умершему отцу и отобранной скрипке. Мне кажется, в нем что-то есть, и у меня возникло ощущение, что совместными усилиями мы с тобой его вытащим. Ты излечишь его изможденное тельце, Фриц займется душой, которой часто пренебрегали, а когда придет время, я проверю, кто перед нами: гений или всего лишь мальчик, способный своим талантом зарабатывать на жизнь. Дай ему этот шанс ради твоего

Тедди.

- Дадим, разумеется! – вскричала миссис Баэр, прочитав письмо, а когда она увидела Ната, то сразу почувствовала, что ей не важно, гений он или нет, перед

ней был брошенный больной ребенок, которому нужно было то, что у нее как раз имелось, – дом и материнская забота. Они с мистером Баэром исподтишка наблюдали за Натом, и сквозь изношенную одежду, неловкость манер и грязь на лице видели многое, что им очень понравилось. Нат был худым и бледным двенадцатилетним мальчиком с голубыми глазами и высоким лбом под лохматыми нечесаными волосами; на личике порой появлялись страх и тревога – он будто ждал жестоких слов или побоев; нежные губы вздрагивали при каждом добром взгляде, а от ласковых слов на лице появлялось располагающее выражение благодарности. «Ах, бедолажка, да пусть, если хочет, хоть целыми днями играет на скрипке», – подумала про себя миссис Баэр, увидев, какая радость и заинтересованность появились у Ната на лице, когда Томми заговорил про оркестр.

А потому после ужина, когда мальчики стайкой отправились в класс, чтобы «еще порезвиться», миссис Джо принесла скрипку и, переговорив с мужем, подошла к Нату – тот сидел в уголке, наблюдая за чужими шалостями с пристальным вниманием.

– Давай, дружок, сыграй нам что-нибудь. Нам в оркестре нужна скрипка, уверена, ты отлично справишься.

Миссис Баэр ждала колебаний, но Нат тотчас же схватил старенькую скрипку и огладил ее с такой нежностью и заботой, что сразу же стало ясно: музыка – его страсть.

– Я буду изо всех сил стараться, мадам. – Вот и все, что Нат произнес, а потом провел смычком по струнам, будто бы ему не терпелось вновь услышать родные звуки.

В комнате стоял страшный гам, но Нат, похоже, сделался глух ко всему, кроме тех звуков, которые производил сам; он тихо заиграл, будто бы только для себя, и, видимо, от восторга забыл обо всем на свете. Это была всего лишь простенькая негритянская мелодия, из тех, которые любят уличные музыканты, но она тут же зачаровала всех мальчиков, они замерли, слушая с изумлением и восторгом. Музыка лилась, они придвигались все ближе и ближе, подошел и мистер Баэр, чтобы рассмотреть музыканта, а Нат, будто бы оказавшись в родной стихии, играл, не замечая никого вокруг, – глаза его сияли, щеки разрумянились, а тонкие пальцы так и порхали: он сжимал старую скрипочку и заставлял ее говорить со всеми сердцами на языке, который сам очень любил.

Наградой ему стал взрыв аплодисментов – он оказался даже желаннее потока мелких монет: аплодисменты зазвучали, едва он опустил смычок и огляделся, будто бы говоря: «Я старался как мог, очень хочу, чтобы вам понравилось».

– Ух ты, первоклассно! – завопил Томми, успевший записать Ната в свои протезы.

– Будешь первой скрипкой в моем оркестре, – добавил Франц с одобрительной улыбкой.

Миссис Баэр прошептала мужу:

– Тедди прав, в этом мальчике что-то есть.

А мистер Баэр энергично закивал, хлопнул Ната по плечу и от души произнес:

– Ты отлично играешь, сын мой. А теперь сыграй-ка что-нибудь, подо что мы сможем спеть.

Никогда еще, наверное, бедняга не испытывал такой радости и гордости, как в тот момент, когда его поставили на почетное место рядом с фортепьяно, а все мальчишки собрались вокруг, не обращая никакого внимания на его жалкие одежды, – они смотрели на него с уважением и нетерпеливо дожидались, когда он заиграет снова.

Они выбрали песню, которую Нат знал, и после одного-двух неудачных зачинов дружно зазвучали скрипка, флейта и фортепьяно, ведя за собой хор мальчишеских голосов, – все они так и звенели под старой крышей. Нат – он оказался слабее, чем полагал сам, – не выдержал: когда замер последний звук, лицо его исказилось, он уронил скрипку, повернулся к стене и зарыдал, как маленький.

– Что с тобой, дружок? – спросила миссис Баэр, которая до того пела во весь голос и пыталась удержать маленького Роба, чтобы он не отбивал ритм башмачками.

– Вы так добры, и это так красиво, что я не сдержался, – всхлипнул Нат и закашлялся, задохнувшись.

– Идем, дружок, тебе нужно в кровать, отдохнуть, ты очень устал, здесь для тебя слишком шумно, – прошептала миссис Баэр и увела его в свою гостиную, где можно было выплакаться без помех.

А потом она ненавязчиво навела Ната на разговор о его невзгодах, выслушала его незамысловатый рассказ – в ее собственных глазах стояли слезы, хотя ничего нового она не услышала.

– Дружочек, теперь у тебя есть и отец, и мать, а это твой дом. Не думай больше про грустные времена, поправляйся и радуйся жизни, я тебе обещаю: мы сделаем все, чтобы ты больше никогда не страдал. Это место для того и придумано, чтобы самые разные мальчики жили здесь в свое удовольствие и учились, как я надеюсь, существовать самостоятельно и приносить пользу. Играть на скрипке сможешь столько, сколько захочешь, только сначала тебе нужно окрепнуть. Пойдем к Нянюшке, она тебя выкупает и уложит в постель, а завтра вдвоем составим всякие замечательные планы.

Нат порывисто сжал ее руку, но слов подобрать не мог, благодарность высказал его взгляд, а миссис Баэр отвела его в просторную комнату, где дожидалась полная немка с лицом таким круглым и приветливым, что оно казалось настоящим солнышком, а широкие оборки капора – лучами.

– Это Нянюшка Хаммель, она тебя искупает и подстрижет волосы, чтобы ты стал «чистюлей», как это называет Роб. Ванная вон там, и по субботам мы дочиста отмываем всех малышей и отправляем в кровать еще до того, как старшие закончат петь. Так, Роб, давай полезай.

Не прерывая разговора, миссис Баэр освободила Роба от одежды и засунула в длинную ванну, стоявшую в комнатухе рядом с детской.

Ванны здесь, собственно, были две, а еще – ванночки для ног, тазики, душевые шланги и иные приспособления, чтобы поддерживать тело в чистоте. Совсем скоро Нат уже нежился во второй ванне и, отмокая, наблюдал, как трудятся две женщины – они отмыли, переодели в чистые пижамки и распихали по кроватям четверых или пятерых малышей, которые, разумеется, устраивали по ходу дела всевозможные проказы и буквально фонтанировали весельем, пока веселье это не угасло под одеялом.

Когда Ната умыли, завернули в одеяло и посадили перед горящим камином, где Нянюшка принялась стричь ему волосы, прибыл новый отряд мальчиков – их заперли в ванной, откуда доносились такой гам и плеск, будто там резвилась стайка молодых китов.

– Ната, пожалуй, положим здесь: если ночью его будет беспокоить кашель, дадите ему напиток с льняным семенем, – распорядилась миссис Баэр, которая порхала туда-сюда, как беспокойная утка над большим и неугомонным выводком.

Нянюшка этот план одобрила, закутала Ната во фланелевый халат, налила в кружку чего-то теплого и сладкого, а потом уложила в одну из трех стоявших в комнате кроваток – там он лежал с видом довольной жизнью мумии и с чувством, что ничего роскошнее и быть не может. Сама по себе чистота оказалась новым и восхитительным ощущением, а о таких удобствах, как фланелевые халаты, в его мире и не слыхивали; «вкуснятина», которую он потягивал, успокоила кашель так же, как ласковые слова успокоили его сердечко, а ощущение, что о нем кто-то готов позаботиться, превратило простенькую комнатку в Небесный Чертог в глазах бездомного ребенка. Все это напоминало сладкий сон, и Нат то и дело закрывал глаза, дабы убедиться, что сон не растает, если открыть их снова. Все было слишком замечательно, чтобы заснуть, да ему это и не удалось бы при всем желании, потому что через несколько секунд его изумленным, но отнюдь не осуждающим глазам явился один из самых своеобразных обычаев Пламфилда.

Едва смолк шум водных процедур, как вдруг воздух наполнили подушки, летевшие во все стороны, – ими швырялись белые гоблины, повскакавшие со своих постелей. Битва кипела сразу в нескольких комнатах, до самого второго этажа, и время от времени даже перекидывалась в детскую, когда прижатому к стене воину приходилось искать там укрытия. Судя по всему, никого это побоище не смущало, никто его не запрещал и даже не выказывал удивления. Нянюшка продолжала развешивать полотенца, а миссис Баэр – раскладывать чистую одежду с той же невозмутимостью, с какой они это делали бы в обстановке полного порядка. Хуже того, миссис Баэр даже выгнала одного особо ретивого воина из комнаты и послала ему вдогонку подушку, которой он до того коварно запустил в нее.

– А никто не ушибется? – спросил Нат, хохотавший в кровати во все горло.

– Да ни за что! В субботу вечером у нас разрешено драться подушками. Завтра все равно наволочки менять, а после ванны такой бой очень поднимает настроение. Мне и самой нравится, – призналась миссис Баэр, вернувшись к сортировке дюжин носков.

– Какая у вас замечательная школа! – заметил Нат, оцепенев от восторга.

– Она у нас довольно странная, – рассмеялась миссис Баэр, – но ты скоро поймешь, что мы не считаем нужным портить ученикам жизнь лишними правилами и бесконечной учебой. Поначалу я запрещала беситься по вечерам, вот только от запретов не было никакого толку. Удержать мальчиков в постелях было не проще, чем чертика в табакерке. Тогда мы заключили соглашение: каждый субботний вечер я позволяю пятнадцать минут драться подушками, а они обещают в остальные дни чинно ложиться спать. Попробовали – получилось отлично. Нарушат данное мне слово – никаких забав, не нарушат – я поворачиваю к стене все стеклянное, убираю лампы в безопасное место и даю им поразвлечься.

– Прекрасное установление, – произнес Нат, которому очень захотелось принять участие в потасовке, вот только вызваться сразу в первый же вечер он не решался. А потому лежал, наслаждаясь зрелищем, которому, безусловно, было не занимать живости.

Во главе нападающих стоял Томми Бэнгс, а Деми защищал свою комнату с поразительной отвагой, сноровисто складывая за спиной прилетавшие подушки – пока захватчики не остались без боеприпасов, после чего они устремились врукопашную и вернули себе свой арсенал. Было несколько мелких травм, но никого это не смущало, звучные шлепки наносили и принимали с полнейшим добродушием – подушки летали в воздухе, как огромные снежные хлопья, но вот миссис Баэр посмотрела на часы и провозгласила:

– Мальчики, время. По постелям, а кто не спрятался, я не виновата!

– А что это значит? – удивился Нат, который даже сел в кровати, чтобы увидеть, что же будет с теми бедолагами, которые осмелятся ослушаться этой удивительной, но одновременно и такой благожелательной наставницы.

– А то, что в следующий раз не будет никаких развлечений, – ответила миссис Баэр. – Я даю им пять минут, чтобы улечься и погасить свет, – и ожидаю, что они послушаются. Они знают, что такое честь, и держат слово.

Это было совершенно очевидно, поскольку битва закончилась столь же внезапно, как и началась, – парочка запоздалых снарядов, заключительный вопль, прогремевший, когда Деми метнул седьмую подушку в отступавшего противника, посулы на следующий раз, а потом – тишь да гладь. Тишину, следовавшую за этим субботним буйством, нарушали лишь редкие смешки и приглушенные перешептывания; матушка Баэр поцеловала новенького и оставила его смотреть светлые сны о жизни в Пламфилде.

Глава вторая

Мальчики

Пока Нат отсыпается, расскажу-ка я своим юным читателям про тех мальчиков, среди которых ему предстоит проснуться.

Начнем с наших старых знакомых. Франц высок ростом, ему уже шестнадцать, типичный немец – крупный, светловолосый, начитанный, очень домовитый, общительный и музыкальный. Дядюшка готовит его к поступлению в университет, а тетушка – к счастливой семейной жизни, то есть упорно воспитывает в нем добронравие, любовь к детям, уважение к женщинам, как пожилым, так и молодым, и готовность помогать по хозяйству. Он ее правая рука во всем, положительный, добродушный и терпеливый, свою жизнерадостную тетушку он любит, как мать, каковой она и пытается для него быть.

Эмиль – совсем другой: вспыльчивый, непоседливый и деятельный, его мечта – стать моряком, ибо в жилах его течет древняя кровь викингов, укротить которую невозможно. Дядя пообещал, что отправит его в море в шестнадцать лет, и убедил изучать навигацию, подсовывал книги про славных и знаменитых адмиралов и героев, позволял, когда сделаны все уроки, вести лягушачью жизнь в речке, пруду и ручейке. Комната Эмиля похожа на каюту военного корабля: все здесь связано с морем, армией, кораблестроением. Его кумир – капитан Кидд[1 -

Капитан Уильям Кидд (1645–1701) – шотландский, а потом американский пират, а точнее – капер (то есть он имел официальное разрешение правительства атаковать и захватывать суда, принадлежавшие неприятельской державе). Прославился своей храбростью (равно как и жестокостью), впоследствии стал героем многих литературных произведений. – Здесь и далее примеч. перев.], а любимое развлечение – нарядиться этим джентльменом-пиратом и горланить во всю глотку свирепые моряцкие песни. Танцует он исключительно матросские танцы, ходит вразвалочку и говорит – насколько это позволяет дядя – на матросском языке. Мальчики называют его Командором и очень гордятся его флотом, который бороздит пруд и порой терпит крушения, они обескуражили бы всякого флотоводца, кроме этого будущего моряка.

Деми – один из тех детей, в которых явственно заметны результаты разумной любви и заботы: его душа и тело всегда в согласии друг с другом. Естественная душевная тонкость, привить которую может только влияние семьи, сообщила простоту и притягательность его манерам: мама взращивала в нем невинное и любящее сердце, папа надзирал за его физическим возмужанием, следил, чтобы здоровая пища, спортивные упражнения и сон придавали ему крепость и прямоту, а дедушка Марч развивал юный ум благожелательной мудростью современного Пифагора[2 - Пифагор Самосский (570–490 до н. э.) – древнегреческий философ и математик, создатель собственной философской школы, а также теоремы, названной по его имени и ставшей одной из основ современной геометрии.]: не забывая его долгими и сложными уроками, которые надлежит затверживать, точно попугай, а помогая раскрываться прекрасным естественным образом – так солнце и роса помогают раскрыться розе. Деми отнюдь не был идеальным ребенком, однако даже недостатки его обладали своей прелестью, а поскольку его рано обучили смирять свои порывы, он не сделался игрушкой страстей и appetитов, что нередко бывает с несчастными маленькими смертными, наказанием которым после становится то, что они поддаются искушениям, ибо не научились им противостоять. Деми был тихим, загадочным мальчиком, серьезным и жизнерадостным; вряд ли он сознавал, что необычайно красив и умен, но при этом мгновенно подмечал сообразительность и красоту в других детях и воздавал ей должное. Он обожал книги и часто предавался живым фантазиям, которые порождали сила воображения и одухотворенность натуры; родителей его тревожили эти свойства, и они считали необходимым уравновесить их полезными познаниями и здоровым обществом, а то как бы мальчик не превратился в одного из тех бескровных умников, которые способны удивлять и восхищать родных, но потом увядают, подобно оранжерейным цветам, поскольку их юные души расцветают преждевременно и нет при них крепкого тела, с помощью которого их можно укоренить в

плодородной почве нашего мира.

Именно поэтому Деми и пересадили в Пламфилд, и тамошняя жизнь прихлась ему настолько по душе, что Мег, и Джон[3 - Мег и Джон - Маргарет и Джон Брук, родители Деми, - персонажи романов Луизы Олкотт «Маленькие женщины» и «Юные жены».], и дедушка единодушно признали: это был благоразумный поступок. Общение с другими мальчиками развивало в Деми практическую сметку, воспитывало волю и сдувало паутинки, к плетению которых был так склонен его молодой ум. Надо сказать, Деми немало шокировал свою маменьку, вернувшись домой, ибо научился хлопать дверью, сочно произносить: «Чтоб я провалился», а кроме того, потребовал высокие, крепкие сапоги, «чтобы топали, как папины». Джон, однако, радовался этим переменам, смеялся над выразительными репликами сына, купил ему новые сапоги и с удовлетворением произнес:

- Все идет хорошо, а значит, пускай топает. Я хочу, чтобы мой сын вырос настоящим мужчиной, и налет грубоватости ему пока не повредит. Мы со временем его отполируем, а что до знаний, их он еще соберет, как вот голуби собирают горох. Не стоит его торопить.

Дейзи излучала свет и обаяние - в ней уже просматривалась будущая женщина, ибо она была очень похожа на свою нежную маму и прекрасно рукодельничала. Было у нее семейство кукол, которым она давала образцовое воспитание; она и дня бы не прожила без своей рабочей корзинки и шитья, причем шила так ловко, что Деми то и дело вытаскивал из кармана носовой платок, чтобы продемонстрировать ее аккуратные стежки, а у малышки Джози имелась чудная фланелевая юбочка, сработанная сестричкой Дейзи. Дейзи нравилось шарить в посудном шкафу, подавать к столу солонки, раскладывать ложки, а еще она каждый день проходила по всей гостиной со щеткой и чистила все столы и стулья. Деми называл ее Бетти[4 - Бетти (сокращенное от Элизабет) - распространенное имя девушек из престолярства и служанок.], однако радовался, что она поддерживает во всем порядок, выполняет своими ловкими ручками самые разные его поручения и помогает ему делать уроки: в смысле знаний они шли наравне, без малейшей тени соперничества.

Их взаимная любовь не утратила своей крепости, никакие насмешки не мешали Деми относиться к Дейзи с нежностью. Он доблестно защищал ее от всех обидчиков и никак не мог понять, почему некоторые мальчики стыдятся говорить напрямки, что любят своих сестренок. Дейзи обожала брата-близнеца,

считала, что «ее братик» – самый замечательный мальчик на свете, и каждое утро, завернувшись в халатик, шлепала к его дверям и стучала, произнося материнским тоном: «Вставай, милый, скоро завтрак, вот тебе чистый воротничок».

Роб рос непоседливым мальчуганом: казалось, он открыл секрет вечного движения, потому что на месте не оставался ни секундошки. По счастью, озорником он не был, да и храбрецом тоже, а потому редко попадал в переделки и перелетал от мамы к папе, подобно ласковому маятнику, издающему бодрое тиканье: дело в том, что Роб был еще и болтунишкой.

Тедди был еще слишком мал, чтобы играть важную роль в жизни Пламфилда, однако и у него были свои особые обязанности, и выполнял он их с блеском. Каждому время от времени нужно кого-то приласкать, а Малыш всегда был для этого под рукой: целоваться и обниматься было как раз по его части. Миссис Джо редко с ним разлучалась, а потому ему доводилось совать свой носик во все домашние дела, причем все считали, что дела от этого делаются только лучше, поскольку в Пламфилде верили в малышей.

Дику Брауну и Адольфусу, или Долли Петтингиллу, было по восемь лет. Долли страдал сильным заиканием, но постепенно избавлялся от этой напасти, поскольку насмехаться над ним было строжайше запрещено, а мистер Баэр пытался его вылечить, побуждая его говорить не спеша. Долли был хорошим мальчиком, совершенно обыкновенным и ничем не выдающимся, однако в Пламфилде он процветал, а к повседневным обязанностям и удовольствиям относился добросовестно и невозмутимо.

У Дика Брауна был горбик на спине, однако бремя это он нес столь невозмутимо, что Деми, с обычной своей непосредственностью, однажды спросил:

– А у горбатых людей всегда добрый характер? Если так, я тоже хочу горб.

Дик был неизменно жизнерадостен и очень старался не отставать от других, ибо в тщедушном тельце жил неукротимый дух. По приезде в Пламфилд он сильно стеснялся своего недостатка, но вскоре едва ли не забыл про него совсем, поскольку никто не решался ему о нем напомнить с тех самых пор, когда мистер Баэр наказал одного из мальчиков за насмешку.

– А Богу все равно! Спина у меня кривая, а душа – прямая! – прорыдал тогда Дик в лицо своему обидчику; внушая всем эту мысль, Баэры вскоре сумели убедить Дика в том, что люди ценят его душу и не замечают его увечья, а если и замечают, то только затем, чтобы пожалеть и помочь.

Однажды они играли в зверинец, и один из мальчиков спросил:

– А ты каким будешь животным, Дик?

– Ну, я, разумеется, верблюдом. Ты что, не видишь моего горба? – ответил Дик со смехом.

– Им и будешь, дружок, но не из тех, которые таскают вьюки, а из тех, которые шагают рядом со слонами во главе процессии, – порешил Деми, руководивший постановкой действия.

– Надеюсь, и остальные будут относиться к бедняжке с той же добротой, с какой научились относиться мои мальчики, – заметила, гордясь результатами своего воспитания, миссис Джо, когда Дик прошествовал мимо нее в образе очень довольного, хотя и совсем слабосильного верблюда рядом с дородным Тюфяком, с величественной добропорядочностью изображавшим слона.

Джек Форд был сметливым и хитроватым мальчишкой – в эту школу его отправили потому, что здесь было дешево. Многие похвалили бы его за смекалку, однако миссис Баэр смущали его замашки начинающего пройдохи, а его недетское корыстолюбие и пронырливость она считала такими же увечьями, как заикание Долли и горб Дика.

Нед Баркер был одним из тысяч четырнадцатилетних мальчишек – длинноногий, нескладный и неуклюжий. Дома его называли Нескладушкой и постоянно ждали, что он наткнется на очередной стул, стукнется о стол и посшибает на пол разные безделушки. Нед любил похвастаться своими способностями, но редко мог их проявить, не отличался храбростью, зато виртуозно плел небылицы. Младших он задирал, а к старшим подлизывался – ничего особо плохого в нем не было, но он был из тех, кого очень легко сбить с правильного пути.

Джорджа Коула избаловала чрезмерно заботливая маменька – она закармливала его сладостями до тошноты, считала, что он слишком слаб здоровьем, чтобы

учиться, и вот к двенадцати годам он превратился в бледного одутловатого мальчугана, унылого, сварливого и ленивого. Какой-то приятель надоумил маменьку отправить его в Пламфилд. Там Джордж скоро ожил, поскольку сладостями в школе кормили редко и заставляли много двигаться, а учиться было настолько приятно, что Тюфячок постепенно начал исправляться и скоро уже изумлял взбалмошную маменьку своими успехами, чем и сумел убедить ее в том, что в воздухе Пламфилда есть нечто необычайно целительное.

Билли Уорд был из тех, кого в Шотландии принято ласково называть дурачками: в свои тринадцать он обладал разумом шестилетнего ребенка. Раньше он отличался необычайно острым умом, и отец всячески пытался развивать эти способности, давая мальчику чрезвычайно сложные задания, заставляя сидеть за книгами по шесть часов в день и вообще скармливая ему знания, как страсбургской гусыне пропихивают в глотку еду. Отец считал, что выполняет свой долг, однако едва не сгубил сына: лихорадка отправила беднягу на долгие каникулы, а когда он оправился, оказалось, что изнуренный мозг не выдержал испытания, – ум Билли представлял собой грифельную доску, по которой прошлись тряпкой, стерев все записи.

Для честолюбивого отца это оказалось страшным уроком, он не в силах был выносить вид своего многообещающего отпрыска, превратившегося в безнадежного недоумка, а потому отправил его в Пламфилд – без особой надежды, что ему смогут помочь, с одним расчетом: что к нему будут добры. Билли был тихим и безобидным, его усердные попытки что-то усвоить вызывали искреннее сострадание – он будто бы бродил впотьмах по миру былых познаний, давшихся ему когда-то такой дорогой ценой.

Он день за днем повторял алфавит, гордо произнося «А» и «Б», думая, что все запомнил, но на следующее утро все знания улетучивались, и приходилось начинать заново. Мистер Баэр проявлял чудеса терпения и не сдавался, несмотря на внешнюю безнадежность этого предприятия: он не столько преподавал книжное знание, сколько пытался развеять туман в замутненном рассудке и вернуть мальчику достаточно разума, чтобы он не был для других помехой и обузой.

Миссис Баэр всеми возможными средствами укрепляла здоровье Билли, а остальные мальчики его жалели и не обижали. Ему не нравились их буйные игры, он мог часами сидеть и наблюдать за голубями, копал ямы для Тедди, который был прирожденной землеройкой, или ходил за работником Сайласом с

места на место и смотрел, как тот трудится, – в частности, потому, что честный Сайлас относился к нему по-доброму, а Билли хотя и забывал буквы, но крепко помнил приветливые лица.

Томми Бэнгс считался позором школы, причем мир еще не видывал столь докучного позора. Проказливый, как обезьянка, он обладал настолько добрым сердцем, что все его выходки невольно забывались; рассеянный до такой степени, что чужие слова из его головы будто бы выдувало ветром, он искренне раскаивался во всех своих проступках, так что невозможно было не умиляться, когда он клялся всем на свете, что исправится, или предлагал подвергнуть его самым невероятным наказаниям. Мистер и миссис Баэр жили в постоянной готовности к очередным неприятностям – то ли Томми сломает себе шею, то ли взорвет весь дом, расшавившись с порохом, а у Нянюшки был отдельный ящик стола, где она держала бинты, пластыри и мази специально для него, ибо Томми то и дело приносили домой полумертвым, однако его ничто не останавливало: после каждой переделки он возвращался к проказам с удвоенным пылом.

В первый же школьный день он отхватил себе кусок пальца сенокосилкой, а на протяжении недели свалился с крыши сарая, едва сбежал от разгневанной курицы – она хотела выклевать ему глаза за то, что он щупал ее цыплят, попытался совершить побег, а еще Ася надрала ему уши до красноты, потому что застучала его, когда он снимал сливки с молока половинкой краденого пирога. Однако этого юнца не останавливали ни неприятности, ни упреки, он продолжал развлекаться почему зря, так что никто не чувствовал себя в безопасности. По поводу невыученных уроков у него всегда находилось разумное объяснение, а поскольку ум у него был цепкий и он очень ловко выдумывал собственные ответы, когда не знал готовых, учеба у него шла недурно. Зато за пределами класса дым стоял коромыслом, и Томми развлекался напропалую!

Толстую Асю он однажды утром в понедельник, когда хлопот полон рот, примотал к столбу ее же бельевой веревкой и оставил шипеть и ругаться на целых полчаса. Мэри-Энн однажды засунул нагретую монетку за воротник, когда красавица-служаночка подавала ужин, к которому явились гости-джентльмены, – в результате она опрокинула супницу и в расстроенных чувствах выскочила из столовой, оставив всех при убеждении, что у нее повредился рассудок. Еще он привязал ведро с водой к дереву, прикрепил к ручке ленточку, и когда Дейзи, привлеченная яркой полоской, попыталась за нее дернуть, то попала под душ, испортивший и ее чистое платье, и ее

безоблачное настроение. Когда к чаю приезжала его бабушка, он подсовывал в сахарницу белые камушки, а бедная пожилая дама потом гадала, почему сахар не растворяется в чае, однако, будучи человеком воспитанным, стеснялась спросить. В церкви он раздавал друзьям понюшки табаку, и всем пятерым мальчикам приходилось, расчихавшись, бежать к выходу. Зимой он расчищал дорожки, а потом исподтишка поливал их водой – на них поскальзывались и падали. Беднягу Сайласа он доводил до исступления, вывешивая на видных местах его огромные башмаки: дело в том, что ноги у Сайласа были колоссального размера и он очень этого стеснялся. Доверчивого маленького Долли он подговорил привязать нитку к шатающемуся зубу и вывесить ее изо рта перед сном, – тогда Томми вытащит зуб, а Долли, который этого страшно боится, ничего не заметит. Вот только зуб с первого раза не вышел, Долли проснулся в невероятном смятении и с тех пор потерял к Томми всяческое доверие.

Самая недавняя его проказа заключалась в том, что он накормил куриц хлебом, смоченным в роме, – к ужасу всех остальных обитателей птичьего двора, курицы захмелели: почтенные хохлушки пошатывались, клевались и кудахтали совершенно нелепым образом, а обитатели дома умирали от смеха, глядя на их выходки, пока Дейзи не сжалилась и не заперла куриц в курятнике, проспаться.

Вот каковы были здешние мальчики, и друг с другом они ладили настолько, насколько способны двенадцать пареньков: учились и играли, работали и задирались, боролись с недостатками и возвращали добродетели в добром старинном духе. В других школах мальчики, пожалуй, больше занимались по книгам, но хуже усваивали ценнейшую науку: как стать хорошими людьми. Латынь, греческий, математика – все это весьма полезно, однако, по мнению профессора Баэра, самопознание, самопомощь и самоконтроль куда важнее – именно им он уделял особое внимание. Его педагогические приемы иногда заставляли других качать головой, хотя они и не могли отрицать, что и манеры, и нравственность мальчиков совершенствуются не по дням, а по часам. Тем не менее, как уже сообщила Нату миссис Джо, школа у них действительно была довольно странная.

Глава третья

Воскресенье

На следующее утро, едва заслышав звон колокольчика, Нат выскочил из кровати и, к великому своему удовлетворению, обнаружил на стуле одежду, которую тотчас же и натянул. Она была не новой – это были ношенные вещи одного из богатых учеников, но миссис Баэр никогда не выбрасывала сброшенные перышки – они пригождались замерзшим птичкам, которые прибивались в ее гнездо. Едва Нат успел одеться, явился Томми, принаряженный по случаю воскресенья в чистый воротничок, и повел Ната завтракать.

Солнце заливало светом столовую и длинный стол, а также стайку проголодавшихся нетерпеливых мальчишек, которые собрались вокруг. Нат заметил, что ведут они себя куда сдержаннее, чем накануне: все молча стояли за стульями, пока маленький Роб – он вместе с отцом находился во главе стола – тихо повторял, сложив ладошки, короткую молитву на немецкий манер: мистер Баэр ее ценил и привил ту же любовь своему сыну. После этого все уселись за обильный воскресный завтрак – кофе, говядина и печеный картофель, а не молоко с хлебом, которыми обычно удовлетворяли юные аппетиты. Пока деловито позвякивали ножи и вилки, за столом не смолкала оживленная беседа, поскольку предстояло выучить воскресные уроки, определиться с воскресной прогулкой и составить планы на грядущую неделю. Нат пришел к выводу, что день, похоже, предстоит чрезвычайно приятный: он любил тишину, а все явственно притихли, хотя и не приуныли, – и это ему пришлось по душе: дело в том, что мальчик этот, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, обладал обостренной чувствительностью, как это бывает со многими музыкально одаренными натурами.

– Ну, ребятки, идите делать утренние дела, и чтобы все были готовы ехать в церковь, когда подойдет омнибус, – распорядился мистер Баэр и первым подал пример: отправился в класс, чтобы подготовить учебники на завтра.

Все разбежались делать свои дела, так как каждому ежедневно давалось отдельное поручение и ожидалось, что выполнено оно будет с тщанием. Кто-то носил дрова и воду, кто-то подметал лестницу или помогал миссис Баэр. Другие кормили домашних питомцев и помогали Францу навести порядок в сарае. Дейзи вымыла чашки, а Деми их вытер: близнецам нравилось работать вместе, а Деми еще в родном доме научился выполнять свою долю хозяйственной работы. Даже у малыша Тедди были свои незамысловатые поручения, и он топал туда-сюда, складывая салфетки и задвигая стулья на место. В течение получаса мальчики жужжали, как трудолюбивые пчелки, а потом подошел омнибус, мистер Баэр

вместе с Францем и восемью старшими мальчиками залезли туда и отправились в трехмильное путешествие до городской церкви.

Нат из-за своего мучительного кашля предпочел остаться дома с четырьмя младшими мальчиками и провел замечательное утро в комнате у миссис Баэр – она читала им рассказы и разучивала с ними гимны; после этого он нашел себе тихое занятие – клеивать картинки в старый альбом.

– Это мой воскресный шкафчик, – пояснила миссис Баэр, указывая на полки, где стояли книги с картинками, ящики с красками, лежали кубики, детские дневнички и писчие принадлежности. – Мне хочется, чтобы мальчики любили воскресенье, чтобы оно проходило мирно и приятно: можно отдохнуть от учебы и привычных игр, а вместо этого насладиться тихими занятиями и безо всяких усилий усвоить уроки поважнее тех, которым учат в школе. Ты меня понимаешь? – уточнила она, глядя на сосредоточенное лицо Ната.

– Вы имеете в виду, научиться быть хорошим? – спросил он, помедлив.

– Да, быть хорошим, причем по собственной воле. Я прекрасно знаю, что порой это бывает непросто, но мы тут помогаем друг другу, а потому справляемся. В частности, помочь мальчикам я пытаюсь вот так.

Она сняла с полки толстую книгу, заполненную до половины, и открыла на странице, где было написано, наверху, одно-единственное слово.

– Это же мое имя! – воскликнул Нат, одновременно удивленный и заинтересованный.

– Да, для каждого мальчика тут есть отдельная страница. Я всю неделю записываю, как он себя ведет, а вечером в воскресенье показываю ему записи. Если он поступал плохо – я корю себя и расстраиваюсь, если хорошо – испытываю радость и гордость; но в любом случае мальчики знают, что я хочу им помочь, а потому очень стараются из любви ко мне и папе Баэру.

– Я в этом не сомневаюсь, – заметил Нат, разглядев напротив своего имени имя Томми и гадая, что может быть под ним написано.

Миссис Баэр заметила, что он вглядывается в слова, покачала головой и произнесла, переворачивая страницу:

– Нет, свои записи я не показываю никому, кроме самого героя. Я называю это своей Книгой совести: только тебе и мне дано знать, что значит на странице под твоим именем. А радостно или больно тебе будет читать эти записи в очередное воскресенье, зависит только от тебя. Полагаю, тебя будет за что похвалить; в любом случае я постараюсь облегчить тебе жизнь на новом месте, с меня хватит и того, что ты станешь придерживаться наших немногочисленных правил, хорошо уживаться с другими и понемногу учиться.

– Я буду стараться, мадам. – Худенькое лицо Ната зарумянилось от истового желания внушить миссис Баэр радость и гордость, чтобы она не корила себя и не расстраивалась. – Тяжело, наверное, делать так много записей, – добавил он, она же тем временем закрыла книгу и ободряюще похлопала его по плечу.

– Мне – отнюдь, потому что я даже не знаю, что я люблю больше: письмо или мальчиков, – ответила она и рассмеялась в ответ на изумление Ната, вызванное последним пунктом. – Да, знаю, многие считают мальчиков обузой, но это только потому, что они их не понимают. А я понимаю, и мне пока еще не встретилось ни одного мальчика, с которым у меня не сложились бы прекрасные отношения после того, как я подберу ключик к его сердцу. Право же, я и не знаю, что бы делала без моей компании славных, шумных, шаловливых, непоседливых мальчуганов, верно, Тедди?

И миссис Баэр прижала к себе маленького проказника – и как раз вовремя, иначе большая чернильница исчезла бы у него в кармане.

Нат, в жизни своей еще не слышавший ничего подобного, не мог понять матушку Баэр: то ли она слегка тронулась умом, то ли это самая замечательная женщина на свете. Он склонялся ко второму, несмотря на ее странноватые повадки: она умела наполнить тарелку, даже не дожидаясь просьбы, смеяться шуткам, нежно потягивая за ухо, или хлопать по плечу, что Нату нравилось несказанно.

– А теперь, полагаю, тебе стоит пойти в класс и разучить гимны, которые мы будем петь сегодня вечером, – сказала она, правильно угадав, что из всех дел на свете он сейчас хотел бы заняться именно этим.

Оставшись наедине с полюбившейся ему скрипачкой и нотами, стоявшими на залитом солнцем окне, – снаружи весь мир купался в весенней красе, а внутри царило свойственное дню отдыха молчание – Нат часа на два погрузился в подлинное счастье: он разучивал милые старинные мелодии, и тягостное прошлое забывалось под натиском прекрасного настоящего.

Когда мистер Баэр с мальчиками воротились со службы и обед завершился, настало время читать, писать письма домой, отвечать воскресные уроки или негромко беседовать, устроившись в облюбованном месте. В три часа все семейство отправилось на прогулку, ибо энергичные молодые тела требуют движения, а во время этих прогулок энергичные молодые умы учились распознавать и любить проявление Господней воли в дивных чудесах, которые прямо у них на глазах сотворяла природа. Мистер Баэр всегда сопровождал воспитанников на эти прогулки и в своей непритязательной отцовской манере находил для них «в деревьях – речь, в ручье текучем – книгу, и проповедь – в камнях»[5 - Цитата из пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.].

Миссис Баэр с Дейзи и двумя своими сынишками уехала в город, нанести еженедельный визит бабушке – для вечно занятой матушки Баэр это был единственный час досуга и великое удовольствие. Нат был слишком слаб для длинной прогулки и попросил позволения остаться дома с Томми, который великодушно предложил показать ему Пламфилд.

– Дом ты уже видел, пошли посмотрим сад, скотный двор и зверинец, – предложил Томми, когда они остались наедине с Асей, – ей поручили следить, чтобы они не проказничали, поскольку, хотя Томми и отличался завидной чистотой помыслов, с ним вечно происходили самые невероятные неожиданности, причем никто не мог понять почему.

– А где ваш зверинец? – поинтересовался Нат, когда они шагали по дорожке вокруг дома.

– Видишь ли, у каждого из нас есть свои питомцы, держим мы их в амбаре и называем его зверинцем. Вот, пришли. Чудная у меня морская свинка, правда?

Томми с гордостью указал на одного из самых уродливых представителей этого симпатичного животного семейства.

– Я знаю одного мальчика, у которого их дюжина, он сказал, что подарит мне одну, вот только мне ее держать тогда было негде, так что ничего не вышло. А она была белая с черными пятнышками, совершенное чудо – может, если захочешь, тебе разрешат ее взять, – сказал Нат, чувствуя себя обязанным чем-то отплатить Томми за его внимание.

– Я с удовольствием, а эту подарю тебе, пусть живут вместе, если не подерутся. Белые мышки – Роба, ему Франц подарил. Кролики – Неда, а бентамские курицы снаружи – Тюфяка. Вот эта квадратная штука – аквариум для черепах Деми, только у него их пока нет. В прошлом году у него было шестьдесят две, некоторые такие шустрые! Одной он сделал клеймо – свое имя и год, а потом выпустил, сказал, может, через много лет поймает ее опять и узнает. Он читал, что однажды нашли черепаху с меткой, судя по которой ей оказалось много сотен лет. Деми у нас ужасно смешной.

– А кто в этой коробке? – поинтересовался Нат, останавливаясь перед большим и глубоким ящиком, до половины заполненным землей.

– А, это магазин червей Джека Форда. Он копает их кучами и держит здесь, а как кто из нас соберется на рыбалку, приходится их у него покупать. Так оно проще, вот только просит он дороговато. Представляешь, в прошлый раз взял с меня по два цента за дюжину, да и выдал каких-то мелких. Джек вообще жадина, и я уже предупредил его, что буду копать сам, если он не снизит цену. А еще мои тут две курочки, вон те, серенькие, с хохолками. Прелесть, а не курочки, я продаю миссис Баэр яйца, но никогда не беру больше двадцати пяти центов за дюжину, никогда! Мне было бы стыдно! – добавил Томми, презрительно глянув на ящик с червями.

– А собачки чьи? – поинтересовался Нат, немало заинтересованный этими коммерческими затеями, – он решил, что иметь Т. Бэнгса в клиентах было бы и приятно, и небезвыгодно.

– Та, что побольше, – Эмиля. Зовут Христофором Колумбом. Миссис Баэр так назвала, потому что ей нравится произносить «Христофор Колумб», и никто не против, если она кличет собаку, – ответил Томми тоном циркача, показывающего свой зверинец. – Белый щенок – Роба, а рыженький – Тедди. Один дядька хотел их утопить в пруду, но папа Баэр не позволил. Для малышей они самое то, а по мне – ничего особенного. Зовут Кастором и Поллуксом[6 - Кастор и Поллукс – герои древнегреческих и древнеримских мифов, близнецы. Отличались силой,

доблестью, а также крепкой дружбой.].

– Если бы мне предложили зверушку, я бы выбрал ослика Тоби, на нем так хорошо ездить, он маленький и такой милый, – сказал Нат, вспомнив, как часто и далеко ему приходилось ходить на своих натруженных ножках.

– Его мистер Лори прислал миссис Баэр, чтобы ей не таскать Тедди на спине, когда мы ходим гулять. Мы все очень любим Тоби, и уж поверьте мне, сэр, ослик он первоклассный. Голуби у нас общие: у нас у каждого по своему питомцу, а если новые нарождаются, они для всех. Голубята очень забавные, правда, сейчас их нет, но ты можешь пойти посмотреть на взрослых голубей, а я пока гляну, не снеслись ли Хохлатка и Бабушка.

Нат забрался по лестнице, просунул голову в люк и внимательно рассмотрел симпатичных голубков, которые топтались и ворковали на просторном чердаке. Некоторые сидели в гнездах, другие влетали и вылетали, третьи устроились у летков, а очень многие порхали между освещенной солнцем крышей и усыпанным соломой скотным двором, где мирно пережевывали жвачку шесть гладких коров.

«У всех есть что-то, только не у меня. Вот бы и мне голубку, курочку, пусть даже черепашку, главное – свою», – подумал Нат, который почувствовал себя вконец обездоленным при виде восхитительных сокровищ других мальчиков.

– А откуда их всех берут? – спросил он, вернувшись вниз к Томми.

– Кто находит, кто покупает, кому люди отдают. Мне моих папа прислал, но когда я скоплю денег за яйца, куплю парочку уток. Там за птичником есть отличный прудик, а за утиные яйца платят хорошие деньги, да и утята такие симпатяги и так забавно плавают, – объявил Томми с видом миллионера.

Нат вздохнул, ведь у него не было ни папы, ни денег – вообще ничего на всем белом свете, кроме старого пустого блокнота и мастерства, запрятанного в кончики десяти пальцев. Томми, похоже, понял и вопрос, и вздох, последовавший за ответом, потому что, подумав немного, выпалил:

– Слушай, я, кажется, придумал. Будешь помогать мне собирать яйца – сам я терпеть этого не могу, а за это я буду отдавать тебе по яйцу из каждой дюжины.

Будем вести счет, и когда у тебя накопится дюжина, матушка Баэр выдаст тебе двадцать пять центов, а на них ты сможешь купить что захочешь, идет?

– Конечно! Какой ты замечательный, Томми! – воскликнул Нат, совершенно ослепленный этим щедрым предложением.

– Да ладно тебе! Начнем прямо сейчас: пошарь в птичнике, а я тут подожду. Бабушка кудахтала, наверняка яичко снесла.

Томми плюхнулся на сено с приятным чувством человека, заключившего выгодную сделку и заодно оказавшего приятелю услугу. Нат с воодушевлением принялся за поиски и ощупывал все стропила, пока не отыскал два отменных яйца – одно было спрятано за балкой, а другое в мерке для корма, которую облюбовала миссис Хохлатка.

– Одно бери себе, а второе возьму я, как раз получится дюжина, а завтра начнем сначала. Подсчеты будешь вести рядом со мной, так ничего не перепутаем, – сказал Томми, указывая на ряды загадочных цифр на доске у старой веялки.

Напустив на себя важность, гордый обладатель одного яйца открыл счет у своего друга, который со смехом написал выше цифр следующие величественные слова:

Т. Бэнгс и К

[7 - К

здесь означает «Компания». Так называли фирмы, в которые несколько партнеров вложили свой капитал и, соответственно, стали их совладельцами.]

Беднягу Ната они так впечатлили, что его с трудом удалось уговорить пойти к Асе в кладовку и оставить там первое свое движимое имущество. Потом мальчики продолжили осмотр хозяйства, познакомились с двумя лошадьми, шестью коровами, тремя свиньями и одним олдернейским «сосунком» – так в Новой Англии называют телят, после этого Томми отвел Ната к старой иве, нависавшей над говорливым ручейком. Они с легкостью перебрались с забора в

широкую нишу между тремя крупными ветками – их когда-то срезали, и теперь здесь из года в год образовывался рой молодых побегов, пока над головой не зашуршала густая крона. Здесь были сделаны сиденья, а в дупле устроен шкафчик, где помещались книга-другая, разобранная лодка и несколько недоделанных свистков.

– Это наше с Деми особое место, мы тут сами все устроили и никого не пускаем без приглашения, кроме Дейзи, ей можно, – сказал Томми, пока Нат переводил восхищенный взгляд с бурливой водички внизу на зеленую арку над головой – там музыкально жужжали пчелы, собирая нектар с высоких желтых цветков, наполнявших воздух сладким ароматом.

– Как тут замечательно! – воскликнул Нат. – Надеюсь, вы иногда станете меня сюда приглашать. Я такого прекрасного места никогда в жизни не видел. Хотел бы я быть птичкой и жить тут всегда.

– Да, местечко недурное. Можешь приходить, если Деми не запретит, а он наверняка не запретит, он вчера вечером сказал, что ты ему нравишься.

– Правда? – Нат улыбнулся от удовольствия, ведь, похоже, мнение Деми ценили все остальные мальчики, отчасти потому, что он был племянником папы Баэра, отчасти потому, что он был таким рассудительным и добропорядочным пареньком.

– Да, Деми нравятся тихони. Вы с ним наверняка поладите, если ты такой же книжник, как и он.

Румянец удовольствия на лице у бедного Ната при последних словах загустел в краску стыда, и он проговорил, запинаясь:

– Читаю я довольно плохо, никогда на это времени не было, просто все время приходилось играть на скрипке.

– Я и сам не большой охотник до чтения, но если надо, читаю довольно быстро, – объявил Томми, предварив это изумленным взглядом, говорившим красноречивее всяких слов: «Надо же, двенадцать лет – и не умеет читать!»

– А вот ноты я читать умею, – добавил Нат, смущенный тем, что признался в своем невежестве.

– А я – нет. – Томми произнес это с уважением, и в результате Нат, расхрабрившись, добавил:

– Я собираюсь учиться изо всех сил и освоить все, что только можно, раньше у меня просто возможности не было. А у мистера Баэра уроки сложные?

– Нет, и он совсем не строгий, наоборот, объясняет, помогает в трудных местах. Не все так делают – мой бывший учитель был совсем другой. Если мы пропускали хоть словечко, ох и драл же он нас за уши!

Томми потер уши так, будто они все еще горели, – и это было единственное, что удержалось у него в памяти после года обучения у «другого учителя».

– Но это я, кажется, могу прочитать, – заметил Нат, рассмотрев книги.

– Давай почитай тогда. А я тебе помогу, – с покровительственным видом произнес Томми.

Нат старался изо всех сил и одолел целую страницу со множеством дружелюбных подсказок со стороны Томми – тот заключил, что через некоторое время Нат «намастрячится» не хуже других. А потом они долго сидели и болтали, как это свойственно мальчикам, обо всем на свете, в том числе и об огородничестве: глядя с высоты, Нат осведомился, что растет на грядках, которые располагались прямо внизу, на другой стороне ручья.

– Это наши огороды, – пояснил Томми. – У нас у каждого своя грядка, мы там выращиваем, что захочется, только каждый должен выбрать что-то свое, и ничего нельзя менять, пока не соберешь урожай, а все лето нужно за ними ухаживать.

– И что ты в этом году выращиваешь?

– Ну, я решил посадить фасоль – с ней хлопот меньше всего.

Нат, не выдержав, рассмеялся, потому что Томми сдвинул шляпу на затылок, засунул руки в карманы и произнес эти слова, невольно подражая Сайласу, работнику мистера Баэра.

- Да ладно, не смейся, фасоль куда проще выращивать, чем кукурузу или картофель. Я в прошлом году посадил разные дыни, но их портили насекомые, да и не созрели они до холодов, у меня только и вызрели что одна обычная и две «кантилупы», - пояснил Томми, в последнем слове опять передразнивая Сайласа.

- Кукуруза очень красивая, когда растет, - вежливо заметил Нат, пытаясь смягчить свою невольную насмешку.

- Да, только ее приходится мотыжить снова и снова. А фасоль - всего раз за полтора месяца, да и вообще она скоро поспеет. Мне ее отдали, потому что я первым попросил. Тюфяк хотел тоже, но ему пришлось согласиться на горох, его надо только прорезживать, а ему это полезно, больно он много ест.

- Интересно, а у меня будет своя грядка? - спросил Нат, подумав, что даже мотыжить кукурузу должно быть очень приятно.

- Разумеется, - произнес снизу голос - мистер Баэр возвращался с прогулки и решил их навестить, потому что по ходу воскресного дня умудрялся переговорить с каждым из мальчиков - он знал, что эти разговоры придают воспитанникам правильный настрой на следующую неделю.

Симпатия - вещь изумительная, и в данном случае она творила чудеса, ибо каждый мальчик знал, что папа Баэр им интересуется, причем некоторые открывали ему душу с большей готовностью, чем женщинам, особенно мальчики постарше, которым нравилось беседовать о своих планах и надеждах как мужчина с мужчиной. А вот нездоровье или невзгоды неизменно толкали их к миссис Джо, младшие же во всех случаях устремлялись к ней как к матушке и исповеднице.

Спускаясь из гнездышка, Томми свалился в ручей, дело было привычное, поэтому он спокойно выбрался на берег и отправился домой обсыхать. Нат остался наедине с мистером Баэром, а ему только этого и хотелось, и вот, прогуливаясь по огородам, мистер Баэр окончательно завоевал сердце

новенького, выдав тому собственный «участок» и обсудив с ним будущие посадки с такой серьезностью, будто от урожая зависело пропитание всего семейства. От этой приятной темы они перешли к иным, причем на умственную почву Ната было посажено множество новых и полезных мыслей, каковые приняты были с той же благодарностью, с какой истомленная жаждой земля принимает теплый весенний дождь. По ходу ужина Нат обдумывал их непрерывно, то и дело устремляя на мистера Баэра вопросительный взгляд, в котором читалось: «Мне это по сердцу, повторите, пожалуйста, сэр». Не знаю, сумел ли мужчина понять тайный язык ребенка, но когда мальчики собрались в гостиной у миссис Баэр для вечерней воскресной беседы, он выбрал тему, которая, скорее всего, была навеяна прогулкой по саду.

Оглядев комнату, Нат подумал, что все это больше похоже на большое семейство, чем на школу: мальчики расселись широким полукругом у камина, некоторые на стульях, другие – на ковре, Дейзи и Деми устроились на коленях у дяди Фрица, а Роб уютно угнездился за спинкой материнского кресла – там можно было незаметно дремать, если разговор превосходил его понимание.

Все выглядели довольными и слушали с вниманием – после долгой прогулки приятно было посидеть на месте, а поскольку все мальчики знали, что их попросят высказать собственное мнение, они не теряли нить разговора, чтобы иметь возможность в любой момент вступить в него по существу.

– Давным-давно жил великий и мудрый садовник, – начал в своем прелестном старомодном стиле мистер Баэр, – и был у него самый большой из всех садов на свете. Дивное это было место, и ухаживал он за ним с неизменной заботой и тщанием, выращивая самые разные вкусные и полезные вещи. Вот только и в этом великолепном саду порой появлялись сорняки, почва не всегда радовала, и брошенные в нее добрые семена порой не всходили. У садовника было много помощников-подмастерьев. Некоторые усердно трудились и честно отработывали жалованье, которое он им платил, другие же пренебрегали своими обязанностями, запускали грядки, что очень печалило их наставника. Был он, однако, бесконечно терпелив и многие тысячи лет трудился, дожидаясь великой жатвы.

– Ух и старый же он был, похоже, – заметил Деми, неотрывно смотревший дяде Фрицу в глаза и ловивший каждое слово.

– Деми, тише, это же сказка, – шепнула ему Дейзи.

– А вот и нет, это аллегория, – возразил Деми.

– А что такое аллегория? – осведомился Томми с обычной своей любознательностью.

– Деми, объясни ему, если сможешь, и никогда не используй слов, в значении которых ты не уверен, – сказал мистер Баэр.

– А я уверен, мне дедушка объяснил! Например, басня – это аллегория, то есть история со смыслом. Например, моя «История без конца» – аллегория, потому что ребенок в ней – это символ души. Верно, тетушка? – воскликнул Деми, стремясь доказать свою правоту.

– Совершенно верно, дружок, и история дядюшки – именно аллегория, я в этом не сомневаюсь, а потому слушайте, и тогда вы узнаете ее смысл, – откликнулась миссис Джо, всегда принимавшая участие в таких беседах и получавшая от них не меньше удовольствия, чем мальчики.

Деми сосредоточился, а мистер Баэр продолжал, стараясь говорить по-английски без изъянов: он сильно продвинулся в нем за последние пять лет и утверждал, что это благодаря мальчикам.

– Этот великий садовник отдал примерно дюжину грядок одному из своих слуг и сказал, чтобы тот постарался на совесть и вырастил добрый урожай. Слуга не отличался ни богатством, ни мудростью, ни особыми добродетелями, однако ему очень хотелось не оплошать, потому что садовник относился к нему с неизменной добротой. Он обрадовался, что ему выделили собственные грядки, и взялся за дело. Грядки были разной длины и формы, на некоторых почва была просто отличная, на других – каменистая, но все они требовали постоянного ухода, ибо на богатой почве быстро растут сорняки, а на скудной много камней.

– А что там росло, кроме сорняков и камней? – поинтересовался Нат. История так его захватила, что он даже забыл про свою застенчивость и заговорил первым.

– Цветы, – пояснил мистер Баэр, одарив Ната взглядом, полным доброты. – Даже на самой каменистой и запущенной клумбочке голубели незабудки или пробивалась резеда. На одной росли розы, душистый горошек и маргаритки[8 -

Маргаритка по-английски – «дейзи».), – тут он ущипнул пухлую щечку девочки, прислонившейся к его плечу, – а на другой – всякие диковинные растения, лежали цветные камушки, лоза ползла вверх, точно бобовый стебель Джека[9 - Речь идет об английской народной сказке «Джек и бобовый стебель», в которой храбрый мальчик Джек выращивает из волшебного боба стебель до самого неба, забирается туда и побеждает великана-людоеда.], прорастали молодые крепкие семена. За этой клумбой, понимаете ли, тщательно следил мудрый старик, всю свою жизнь проработавший в этом саду.

В этом месте «аррегории» Деми, точно любознательный птенчик, склонил голову набок и вперился блестящими глазками в лицо дяди, как будто заподозрил нечто и насторожился. Но вид у мистера Баэра был совершенно невинный, глаза его перебежали с одного юного личика на другое, а взгляд оставался серьезным и вдумчивым – и о многом говорил его жене, прекрасно знавшей, как добросовестно ее супруг возделывает свои маленькие клумбы.

– Как я вам уже сказал, культивировать, то есть возделывать, некоторые грядки было легко, другие трудно. Была там одна, находившаяся на самом солнечном месте, которая могла бы принести богатый урожай овощей, фруктов и цветов, однако почему-то она противилась, и когда ее хозяин сажал на ней, скажем, дыни, получался пшик: грядочка не давала урожая. Хозяин переживал и не сдавался, хотя каждый раз труды его оказывались напрасны, грядочка будто бы заявляла: «А я забыла».

Тут все рассмеялись и дружно посмотрели на Томми, который насторожил уши при слове «дыни» и повесил голову, когда прозвучало его любимое оправдание.

– Я так и знал, что это он про нас! – воскликнул Деми, хлопнув в ладоши. – Старик – это вы, а мы – его грядки, да, дядя Фриц?

– Правильно догадался. А теперь пусть каждый из вас скажет, какие именно семена мне лучше посеять на его грядке этой весной, чтобы осенью снять добрый урожай с моих двенадцати – нет, тринадцати грядок, – проговорил, поправившись, мистер Баэр и кивнул в сторону Ната.

– Сажать кукурузу, фасоль и горох не следует. А то мы будем слишком много есть и растолстеем, – объявил Тюфяк, и его круглое невыразительное личико вдруг просветлело от этой приятной мысли.

– Он не про такие семена. А про то, что нас сделает лучше, и сорняки – это наши недостатки! – воскликнул Деми, всегда задававший тон в таких беседах, потому что давно к ним привык и очень их любил.

– Да, подумайте, кто в чем особенно нуждается, и скажите мне, а я попробую это вырастить; вот только и вам придется постараться, а то получится как с дынями Томми: сплошная ботва и никаких плодов. Начнем по старшинству и спросим у матушки, что она хочет выращивать на своей грядке, ибо все мы – части этого прекрасного сада и можем снимать богатую жатву для Господа нашего, если в нас довольно любви к Нему, – заключил мистер Баэр.

– Я буду возвращать на своей грядке богатый урожай терпения, ибо как раз его мне особенно не хватает, – объявила миссис Джо с такой серьезностью, что и остальные крепко задумались, что сказать, когда до них дойдет очередь, а некоторые даже ощутили легкие уколы совести из-за того, что способствовали стремительному исчерпанию запасов терпения матушки Баэр.

Франц попросил выносливости, Томми – упорства, Нед – добросердечия, Дейзи – трудолюбия, Деми – «мудрости, как у дедушки», а Нат робко произнес, что он хочет столько всего, что лучше бы мистер Баэр сделал за него выбор. Остальные выбирали примерно то же, среди самых желанных плодов оказались терпение, добросердечие и щедрость. Один мальчик попросил умения рано вставать – он пока не знал, как правильно назвать эти семена, а бедолага Тюфяк вздохнул:

– Хочу полюбить уроки так же сильно, как еду, да вот не получается.

– А мы посадим на твоей грядке самоограничение, взрыхлим землю, польем – и всходы будут столь обильны, что в следующее Рождество никто уже не будет страдать животом, объевшись за ужином. Если напрягать ум, Джордж, он проголодается вровень с телом, и книги ты полюбишь не меньше этого вот моего философа, – произнес мистер Баэр, после чего добавил, отбросив волосы с высокого лба Деми: – И тебе тоже свойственна алчность, сын мой, набивать свой ум сказками и фантазиями ты любишь не меньше, чем Джордж свой желудок пирогами и конфетами. Худо и то и другое, я хочу, чтобы ты сменил подход. Я понимаю, что арифметика не так занимательна, как «Тысяча и одна ночь»[10 - «Тысяча и одна ночь» – сборник средневековых арабских народных сказок, которые в начале XVIII века были переведены на английский и стали популярным детским чтением (как, кстати, и в России).], но крайне полезна, а тебе пришло время ею заняться, иначе потом будет и больно, и стыдно.

– Но «Гарри и Люси» и «Фрэнк»[11 - «Гарри и Люси», «Фрэнк» – произведения популярной ирландской писательницы Марии Эджеворт (1767–1849), писавшей и для детей, и для взрослых. Упомянутые здесь книги рассказывают о том, как дети познают окружающий мир, и, кстати, предназначены для совместного чтения и обсуждения младших детей со старшими, то есть Эджеворт, как и Олкотт, считала, что дети могут учиться не только у взрослых, но и друг у друга.] – не сказки, там сплошные барометры, кирпичики, там про то, как ковать лошадей, и про другие полезные вещи, а мне эти книги очень нравятся, верно, Дейзи? – возразил Деми, пытаясь оправдаться.

– Воистину так, но «Милого Роланда и девицу Ясный Цвет»[12 - «Милый Роланд и девица Ясный Цвет» – сказка братьев Гримм.] ты читаешь куда чаще, чем «Гарри и Люси», а «Фрэнка» любишь куда меньше, чем «Синдбада»[13 - «Синдбад-мореход» – часть сборника сказок «Тысяча и одна ночь», повествующая о приключениях храброго купца и путешественника.]. Знаете, предлагаю вам обоим небольшое пари: Джордж будет есть не больше трех раз в день, а Деми читать не больше одной книжки сказок в неделю – а я вам за это построю новую площадку для крикета, только вы должны пообещать, что станете ее использовать, – заявил дядя Фриц очень уверенным тоном, хотя прекрасно знал, что Тюфяк не любит бегать, а Деми все отведенные для спорта часы проводит за чтением.

– Но мы не любим играть в крикет, – возразил Деми.

– Сейчас, может, и нет, а как научитесь, полюбите. Кроме того, вы же любите проявлять щедрость, а другим мальчикам очень хочется играть – вот вы и подарите им новую площадку.

Этому доводу оба вняли и согласились заключить пари, к великому удовольствию всех остальных.

Разговор про грядки шел еще некоторое время, а потом они спели хором. Нат пришел в восторг от их оркестра: миссис Баэр играла на фортепьяно, Франц – на флейте, мистер Баэр – на виолончели, а сам он – на скрипке. Концерт был незамысловатый, но всем он понравился, а старенькая Ася, сидевшая в углу, иногда подпевала сладчайшим голосом, поскольку в этой семье хозяева и слуги, молодые и старые, белые и черные – все участвовали в воскресном пении, возносившемся прямо к их общему Отцу. После выступления все пожали руки

мистеру Баэру, а матушка Баэр перецеловала всех, от шестнадцатилетнего Франца до крохи Роба, который заполучил кончик ее носа для своих собственных поцелуев, а затем все отправились спать.

Свет ночника, горевшего в детской, мягко озарял картину, висевшую в изножье кровати Ната. На стенах виднелось еще несколько, однако именно эта представлялась мальчику особенной: она была заключена в рамку из мха и шишек, а на полочке под ней стояла ваза со свежими полевыми цветами. Картина казалась прекраснее всех остальных, и Нат долго лежал, глядя на нее, смутно догадываясь о ее значении и мечтая узнать побольше.

– Это моя картина, – произнес тоненький голосок. Нат приподнял голову и увидел Деми в ночной рубашке: тот шел из комнаты тети Джо (куда ходил забинтовать порезанный палец) к себе в спальню и приостановился.

– А что он делает с детьми? – поинтересовался Нат.

– Это Христос, Лучший из людей, а детей Он благословляет. Неужели ты про Него ничего не знаешь? – изумился Деми.

– Почти ничего, но страшно хочу узнать, очень у Него вид добрый, – ответил Нат, чьи познания о Лучшем из людей по большей части сводились к упоминаниям его имени всуе.

– Я все знаю и очень люблю истории про Него, потому что они – правда, – отвечал Деми.

– А кто тебе рассказал?

– Дедушка, он все знает и лучше всех на свете рассказывает истории. Я, когда был маленький, играл с его толстенными книжками, строил из них мосты, железные дороги и дома, – начал Деми.

– А сколько тебе теперь лет? – почтительно поинтересовался Нат.

– Почти десять.

– И ты много всего знаешь?

– Да. Смотри, голова у меня вон какая большая, дедушка говорит, чтобы ее набить, много всего понадобится, и я стараюсь побыстрее наполнить ее умными вещами, – в свойственной ему замысловатой манере отвечал Деми.

Нат рассмеялся, а потом тихо попросил:

– Расскажи мне, пожалуйста.

Деми с готовностью зачастил, не расставляя знаков препинания:

– Я однажды нашел красивую книжку и хотел с ней поиграть, а дедушка говорит «не надо», и показал мне картинки, и все про них рассказал, а мне очень понравились истории, они про Иосифа и его плохих братьев, и про лягушек, которые вышли из моря, и милого малыша Моисея на водах, и много всего интересного, но мне больше всего понравилось про Лучшего из людей, и дедушка столько раз мне ее рассказывал, что я выучил наизусть, а потом он мне подарил эту картинку, чтобы я не забыл, а потом ее сюда повесили, когда я заболел, и я оставил, чтобы и другие мальчики видели, если заболеют.

– А почему Он благословляет детей? – поинтересовался Нат, которого неудержимо тянуло к главной фигуре на картине.

– Потому что Он их любит.

– А это бедные дети? – задумчиво спросил Нат.

– Думаю, что да, гляди – некоторые совсем голые, да и мамы их не выглядят важными дамами. Он любил бедняков и всегда им помогал. Лечил их, кормил, а богатым говорил, чтобы относились к ним по-доброму, и за это бедняки Его крепко-крепко любили! – с энтузиазмом произнес Деми.

– А сам Он был богатый?

– Ну уж нет! Он родился в стойле и был так беден, что, когда вырос, у Него и дома-то своего не было, а иногда и поесть ничего не находилось, кроме того, что

давали другие люди, и Он ходил по городам и весям, проповедуя и пытаясь научить всех добру, пока богатые Его не убили.

– За что? – Нат даже сел в кроватке, чтобы лучше видеть и слышать, так заинтересовал его рассказ о человеке, заботившемся о бедняках.

– Я тебе сейчас все расскажу, тетя Джо не будет сердиться. – Деми уселся на вторую кровать, довольный, что может поведать любимую историю такому внимательному слушателю.

Нянюшка заглянула выяснить, заснул ли Нат, а увидев, что происходит в спальне, тихонько вышла, отправилась к миссис Баэр и произнесла – причем ее доброе лицо так и светилось материнской лаской:

– Не пойдет ли милая леди посмотреть чудную картинку? Нат всем сердечком вслушивается в историю про младенца Христа, которую ему рассказывает Деми, – ну чистый белоснежный ангелочек.

Миссис Баэр и так собиралась пойти перед сном взглянуть на Ната: она знала, что серьезное слово, сказанное в такой момент, часто приносит добрые плоды. Но когда она на цыпочках подобралась к дверям спальни и увидела, что Нат жадно впитывает каждое словечко своего маленького друга, а Деми рассказывает ему милую и вечную историю в точности так, как рассказывали и ему самому, тихим голосом, устремив прекрасные глаза на умиленное личико собеседника, собственные ее глаза наполнились слезами и она неслышно удалилась, думая про себя: «Деми, сам того не сознавая, помогает бедняжке лучше, чем помогла бы я, не стану портить это ни единым словом».

Детский голосок журчал еще долго, одна невинная душа открывала бессмертные истины другой, и никто им не препятствовал. Когда голосок наконец стих и миссис Баэр пошла забрать лампу, оказалось, что Деми уже исчез, а Нат крепко спит, обратившись лицом к картине, как будто он уже научился любить Лучшего из людей, который любил маленьких детей и был верным другом всех бедняков. Лицо мальчика было безмятежно, и, глядя на него, миссис Джо поняла, что один-единственный день, полный доброты и заботы, уже сотворил чудо, а целый год терпеливого взращивания наверняка заставит этот запущенный сад принести щедрый урожай, ибо маленький миссионер в ночной рубашонке уже засеял его самыми прекрасными семенами.

Глава четвертая

Вехи

Утром в понедельник, направляясь на уроки, Нат внутренне ежился: ему казалось, что сейчас придется обнаружить перед всеми свое невежество. Однако мистер Баэр усадил его в глубокой оконной нише, где можно было повернуться ко всем спиной, и там он отвечал урок Францу, так что никто не слышал его ошибок и не видел, как он перепачкал тетрадь. Нат был от души за это признателен и трудился с таким прилежанием, что мистер Баэр, взглянув на его разгоряченное лицо и перемазанные чернилами пальцы, с улыбкой произнес:

- Не переусердствуй, сын мой, а то силы иссякнут. Времени у тебя достаточно.
- Нет, я должен проявлять усердие, иначе не догоню остальных. Они вон сколько всего знают, а я – ничего, – ответил Нат, доведенный едва ли не до отчаяния тем, как мальчики повторяют уроки из грамматики, истории и географии с отменными, как ему казалось, легкостью и точностью.
- Ты знаешь много такого, чего не знают они, – возразил мистер Баэр, присаживаясь с ним рядом, пока Франц объяснял младшеклассникам хитрую штуку под названием «таблица умножения».
- Правда? – недоверчиво переспросил Нат.
- Именно. Во-первых, ты умеешь сдерживать свои чувства, а вот Джек, который проворно считает, – нет; это важный урок, и, как мне представляется, ты его заучил крепко. Ты умеешь играть на скрипке, а никто из них не умеет, хотя им бы очень хотелось. Но самое главное, Нат, ты очень хочешь учиться, а это уже полдела. Сперва, может, будет нелегко, даже руки станут опускаться, но ты не сдавайся, и со временем будет все проще и проще.

Нат слушал эти слова, и личико его светлело на глазах, потому что, хотя список его умений и оказался недлинным, ему отрадно было сознавать, что у него есть хоть что-то за душой.

«Да, сдерживать чувства я умею – научишься, когда тебя бьет отец, и на скрипке играю, хотя и не могу сказать, где находится Бискайский залив»[14 - Бискайский залив Атлантического океана омывает берега Испании и Франции.], – думал он с неопишным чувством облегчения.

А потом произнес вслух, да так уверенно, что Деми услышал:

– Я очень хочу учиться, и я постараюсь. Я никогда не ходил в школу, однако не по своей вине, и если мальчики не станут надо мной смеяться, у меня все получится, потому что вы и госпожа очень ко мне добры.

– Они не будут смеяться, а если вдруг надумают, я им скажу, чтобы перестали! – воскликнул Деми, забыв на миг, где находится.

Урок завершился на «семью девять», и все подняли глаза – посмотреть, что происходит.

Решив, что урок взаимопомощи сейчас важнее арифметики, мистер Баэр рассказал им про Ната, причем история у него получилась такая занимательная и трогательная, что добросердечные мальчики тут же пообещали помогать новому товарищу по мере сил, более того, сочли для себя честью поделиться премудростью с пареньком, который так отменно играет на скрипке. Призыв мистера Баэра сообщил им нужной настрой, и Нату почти не пришлось преодолевать препятствий, потому что от желающих «пособить» ему в освоении знаний отбою не было.

Однако заниматься подолгу ему, в силу слабости здоровья, не следовало, а потому миссис Джо придумывала ему всевозможные развлечения, пока остальные сидели за книгами. Лучшим лекарством, надо сказать, стала его грядка, и Нат трудился, как крот, подготавливая землю, сажая фасоль, внимательно наблюдая за ростом побегов и радуясь каждому зеленому листочку и тонкому стебельку, который вырывался из земли и тянулся вверх в теплом весеннем воздухе. Никто еще не рыхлил землю столь же добросовестно – мистер Баэр даже опасался, что семена не смогут прорасти, так часто Нат переворачивал почву; мистер Баэр давал ему несложные задания по приведению в порядок клумб или клубничных грядок – Нат работал и жужжал себе под нос, подобно сновавшим вокруг трудолюбивым пчелкам.

– Вот она, моя лучшая жатва, – говорила миссис Баэр, ущипнув когда-то худенькую щечку, которая становилась все круглее и румянее, или погладив сутулые плечики, которые постепенно распрямлялись благодаря здоровому труду, питательной пище и отсутствию тяжкого бремени бедности.

Деми был его дружкой, Томми – покровителем, а Дейзи – утешительницей в минуту невзгод; несмотря на то что все они были младше Ната, его робкая душа обретала радость в их невинном обществе, чураясь более буйных игр старших мальчиков. Мистер Лоренс о нем не забывал, присылал одежду и книги, ноты и благие пожелания, а время от времени наведывался посмотреть, как у Ната дела, или свозить его в город на концерт; в таких случаях Нат мгновенно переносился на седьмое небо, потому что попадал в изумительный дом мистера Лоренса, встречался с его красавицей-женой и маленькой ангелоподобной дочкой, съедал вкусный ужин и наслаждался такой роскошью, что потом много дней подряд только этим и полнились его разговоры и сны.

Как мало нужно, чтобы сделать ребенка счастливым, и как жаль, что в мире, где столько солнечного света и всяких приятных вещей, существуют измученные личики, пустые карманы, одинокие маленькие сердца. Сознывая это, Баэры собирали каждую крошку, чтобы накормить своих голодных воробушков, ибо богаты они были лишь одним – душевной щедростью. Многие подруги миссис Джо, у которых были свои дети, присылали игрушки, которые тем надоели, и их починка стала именно тем занятием, которое увлекало Ната и очень ему подходило. Его тонкие пальчики оказались очень ловкими и аккуратными, и много дождливых дней он провел с бутылкой клея, ножом и красками за починкой мебели, животных и игр, Дейзи же играла роль портнихи при искалеченных куклах. Починенные игрушки аккуратно складывали в отдельный ящик, на рождественские подарки бедным соседским детям: именно так мальчики из Пламфилда отмечали день рождения Того, кто любил бедняков и благословлял детей.

Деми неустанно читал и пересказывал свои любимые книги – они провели много приятных часов среди ветвей старой ивы, погрузившись в «Робинзона Крузо», «Тысячу и одну ночь», рассказы мисс Эджеворт и другие славные и бессмертные истории, которые будут радовать детей еще долгие века. Перед Натом открылся новый мир, а желание узнать, куда дальше поведет сюжет, помогло ему освоить искусство чтения не хуже других, и он почувствовал себя таким богачом и так гордился своим новым достижением, что возникла опасность, как бы он не превратился в такого же книжного червя, как и Деми.

Случилась и еще одна полезная вещь, причем самым неожиданным и благоприятным образом. У нескольких мальчиков был свой «бизнес», как они это называли, – дело в том, что большинство из них были бедны, и, сознавая, что им придется самим прокладывать себе дорогу в жизни, Баэры приучали их к самостоятельности. Томми продавал яйца, Джек приторговывал червями, Франц помогал вести уроки и получал за это плату, Нед охотно плотничал, ему поставили токарный станок, и он изготавливал всевозможные полезные или симпатичные вещицы для продажи, а Деми мастерил водяные мельницы, волчки и неведомые машины, чрезвычайно сложные и совершенно бессмысленные, и сбывал их товарищам.

– Пусть станет механиком, если захочет, – говорил мистер Баэр. – Мальчику нужна профессия, тогда он обретет самостоятельность. Труд облагораживает, и какими бы талантами ни обладали эти юноши, хоть поэта, хоть пастуха, мы станем их развивать и, по возможности, ставить им на пользу.

А потому, когда однажды возбужденный Нат прибежал к нему и спросил:

– Можно, я схожу поиграю для людей, которые устроили пикник у нас в лесу? Они заплатят, я хотел бы немного заработать, как и другие, а зарабатывать иначе, чем игрой на скрипке, я не умею, – мистер Баэр с готовностью ответил:

– Ступай, я очень рад. Работа несложная и приятная, хорошо, что тебе ее предложили.

Нат пошел и справился блестяще: домой он вернулся с двумя долларами в кармане, которые продемонстрировал с великим удовлетворением, а потом рассказал, как приятно прошел день, какими добрыми оказались молодые люди, как хвалили его танцевальные мелодии и пообещали пригласить его снова.

– Это куда лучше, чем играть на улице, потому что тогда мне ничего не доставалось, а теперь у меня и деньги есть, и время прошло приятно. У меня, можно сказать, тоже бизнес, как у Томми и Джека, и мне это очень нравится, – сообщил Нат, гордо поглаживая старый кошелек и уже чувствуя себя миллионером.

Бизнес действительно пошел, потому что с наступлением лета пикники стали устраивать часто и услуги Ната шли нарасхват. Ему никогда не запрещали пойти

поиграть, если это не сказывалось на учебе и заказчиками выступали воспитанные молодые люди. Мистер Баэр объяснил Нату, что хорошее базовое образование необходимо всем и что ни за какие деньги нельзя соглашаться выступать перед теми, кто может сбить его с истинного пути. С этим Нат был полностью согласен, и приятно было смотреть, как этот простодушный паренек садится в тележку, которая специально подбирала его у ворот, или как возвращается домой, играя на скрипочке, усталый, но довольный, с честно заработанными деньгами в кармане, а иногда еще и с лакомствами со стола для Дейзи или малыша Теда – про них он никогда не забывал.

– Буду копить на собственную скрипку, тогда я смогу зарабатывать на жизнь, верно? – говаривал он, отдавая свои доллары на хранение мистеру Баэру.

– Надеюсь, что да, Нат, но сперва нужно вырасти и окрепнуть, а также вложить побольше знаний в твою музыкальную головку. Тогда мистер Лори подыщет тебе какое-нибудь местечко, и через несколько лет мы все будем ходить слушать твои выступления.

Совместная работа, одобрение, надежда – жизнь Ната день ото дня становилась легче и счастливее, а в музыке он делал такие успехи, что учитель прощал ему некоторое тугодумие в других вещах, зная, что чистое сердце всегда заставит голову работать. Если Нат начинал пренебрегать основными уроками, хватало простейшего наказания – у него на день отбирали смычок и скрипку. Страх навсегда лишиться закадычной подружки заставлял его погружаться в учебу, а поскольку он не раз уже доказал себе, что в состоянии усваивать уроки, не было никакого смысла твердить: «Я не смогу».

Дейзи всей душой любила музыку и с величайшим почтением относилась ко всем музыкантам – она часто сидела на лестнице под дверью Ната, пока он занимался. Ему это страшно нравилось, и ради своей молчаливой слушательницы он играл в полную силу, ибо внутрь она не входила никогда, а предпочитала сидеть, стачивая яркие лоскутки или наряжая одну из своих куколок, с радостно-мечтательным выражением лица, заставлявшим тетю Джо смахивать слезы и произносить: «Ну вылитая моя Бет» – и тихонько проходить мимо, ведь даже ее привычное присутствие могло нарушить тихую детскую радость.

Нат очень любил миссис Баэр, однако еще сильнее его влекло к доброму профессору, который по-отечески относился к робкому, слабому ребенку, едва

не утонувшему в бурном море, по которому его лодочку носило без руля целых двенадцать лет. Похоже, за ним всегда приглядывал какой-то добрый ангел, потому что, хотя тело его и пострадало, душа осталась почти незапятнанной и на берег он вышел столь же невинным, сколь и дитя с утонувшего корабля. Возможно, именно любовь к музыке позволила ему сохранить душевную чистоту, несмотря на царившие вокруг смуты; так считал мистер Лори, а уж кому знать, как не ему. Как бы то ни было, папе Баэру доставляло удовольствие пестовать добродетели Ната и исправлять его недостатки, тем более что новый его ученик оказался ласковым и послушным, точно девочка. Папа Баэр часто называл Ната своей «дочкой», когда говорил о нем с миссис Джо, она же над этим посмеивалась, потому что мадам были по душе мужественные мальчики, а Ната она считала душенькой, но слабаком, хотя догадаться об этом было невозможно – она баловала его, как и Дейзи, и он безгранично ею восхищался.

Лишь один изъян Ната доставлял Баэрам сильное беспокойство, притом что они понимали, что вскормлен он страхом и невежеством. Вынуждена сообщить, что Нату случалось лгать. То была не черная ложь, а разве что серенькая, порой же речь шла и просто о невинных, совершенно белых выдумках, но дело не в этом, ложь всегда ложь, и хотя в нашем странном мире часто случается из вежливости говорить неправду, нет этому оправдания, и все об этом знают.

– Остерегайся постоянно: следи за своим языком, глазами и руками, потому что солгать случается словом, взглядом или делом, – сказал мистер Баэр в одной из бесед с Натом по поводу главного его недостатка.

– Знаю, и я ведь не специально, но настолько проще ладить с людьми, если не стараться всегда говорить полную правду. Раньше я лгал, потому что боялся отца и Николо, а теперь делаю это потому, что мальчики надо мной смеются. Помню, что это нехорошо, но забываюсь.

Казалось, Нат очень удручен своими грехами.

– Когда я был маленьким, мне тоже случалось говорить неправду! Ах! Какие я плел небылицы, и знаешь, как моя старая бабушка меня от этого отучила? Родители меня поучали, плакали, наказывали, но я, как и ты, забывался. А потом милая моя бабуля сказала: «Я помогу тебе запомнить и заставить этого сорванца слушаться». И с этими словами она вытащила мой язык изо рта и отхватила ножницами самый кончик – показалась кровь. Уж поверь мне, это было совершенно ужасно, однако мне пошло на пользу, потому что язык болел много

дней, слова приходилось произносить медленно и я успевал подумать. После этого я сильно остерегался, и все у меня получалось, потому что я боялся больших ножниц. Милая моя бабуленька была ко мне очень добра, и когда умирала в далеком Нюрнберге, она молилась, чтобы ее маленький Фриц всегда любил Господа и говорил правду.

– У меня никогда не было бабушки, но если вы считаете, что мне это поможет, подрежьте мне язык, – героически предложил Нат: он очень боялся боли, но совсем не хотел оставаться лгуном.

Мистер Баэр улыбнулся и покачал головой:

– Есть способ получше, я его уже один раз опробовал, и все получилось. Каждый раз, как ты солжешь, не я буду тебя наказывать, а ты меня.

– Как это? – изумился Нат.

– Будешь по старинке бить меня линейкой. Сам я редко ею пользуюсь, но если ты станешь причинять боль мне, это окажется памятнее, чем если ее будешь испытывать ты.

– Бить вас? Ни за что! – воскликнул Нат.

– Ну, тогда придется тебе последить за своим проказливым языком. Я тоже не люблю боли, но готов ее стерпеть, чтобы излечить тебя.

Это предложение так поразило Ната, что он стал ответственнее относиться к своим словам и больше не оступался, ибо расчет мистера Баэра оказался правильным: любовь к нему сдерживала Ната надежнее, чем страх за самого себя. Но увы! В один несчастливый день Нат расслабился, и, когда Эмиль посулил надрать ему уши, если окажется, что это он пробежал по его грядке и сломал лучшие кукурузные початки, Нат объявил, что он тут ни при чем, а после постыдился признаться, что именно он это и натворил, когда прошлым вечером удирал от Джека.

Нат решил, что никто не дознается, но оказалось, что его видел Томми, и когда через пару дней Эмиль заговорил об этом снова, Томми подтвердил его догадки,

причем при мистере Баэре. Уроки уже закончились, все они стояли в прихожей, а мистер Баэр как раз присел на плетеную кушетку, чтобы повозиться с Тедди, но когда он услышал слова Томми и увидел, как густо покраснел Нат, он посмотрел на него испуганным взглядом, положил малыша и произнес:

– Ступай к маме, пузырь, я скоро приду.

И, взяв Ната за руку, он отвел его в класс и закрыл дверь.

В первую минуту мальчики молча переглядывались, а потом Томми выскользнул наружу и заглянул сквозь полузакрытые шторы – представшее зрелище сильно его озадачило. Мистер Баэр только что снял со стены над своим столом длинную линейку – пользовались ею так редко, что она успела покрыться пылью.

«Ничего себе! Ну в этот раз Нату и достанется! Зря я проболтался», – подумал добросердечный Томми, знавший, что в их школе нет большего позора, чем наказание линейкой.

– Помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз? – печальным, а вовсе не сердитым тоном произнес мистер Баэр.

– Да. Только, пожалуйста, не заставляйте меня, я этого не вынесу! – воскликнул Нат, который отступал к дверям, стиснув руки за спиной, с выражением крайнего смятения.

«И чего он не соберется с духом и не потерпит, как положено мужчине? Я бы потерпел», – подумал Томми, хотя сердце его так и несло вскачь.

– Я сдержу свое слово, а ты помни, что нужно говорить правду. Сделай, как я сказал, Нат: возьми и ударь меня как следует шесть раз.

Эти последние слова так поразили Томми, что он едва не свалился на землю, но в последний момент уцепился за подоконник и повис на нем, причем глаза у него стали такими же круглыми, как и у чучела совы на каминной полке.

Нат взял линейку, ибо, когда мистер Баэр говорил таким тоном, не подчиниться ему было невозможно, и с видом страшно перепуганным и виноватым – можно

подумать, ему предложили зарезать своего наставника – нанес два слабых удара по протянутой к нему крепкой руке. Потом он остановился и поднял глаза, полуослепшие от слез, однако мистер Баэр произнес ровным голосом:

– Продолжай, да сильнее.

Будто бы поняв, что это неизбежно, и стремясь поскорее покончить с наказанием, Нат провел рукавом по глазам, нанес еще два стремительных и крепких удара – кожа на руке покраснела, однако наносившему было даже больнее.

– Не довольно ли? – спросил он, задохнувшись.

– Еще два, – прозвучал ответ, и он ударил еще дважды, почти не видя, куда бьет, а потом швырнул линейку через всю комнату и обеими ручонками стиснул добрую руку, приник к ней лицом и зарыдал от избытка любви, стыда и раскаяния:

– Я запомню! Точно! Навсегда!

Тогда мистер Баэр обнял его за плечи и произнес тоном, в котором звучало не меньше сострадания, чем чуть раньше – твердости:

– Я в этом уверен. И попроси Господа тебе помочь, чтобы нам не пришлось еще раз все это переживать.

Томми больше ничего не видел – он прокрался обратно в прихожую, причем вид у него был настолько взбудораженный и очумелый, что остальные мальчики собрались вокруг, допытываясь, что там происходит с Натом.

Томми поведал им о случившемся театральным шепотом, и вид у них стал такой, как будто небо сейчас упадет на землю: от такого переворота привычного порядка вещей у них у всех дух захватило.

– А меня он однажды заставил то же самое делать, – признался Эмиль, будто бы речь шла о некоем страшном преступлении.

– И ты ударил? Любимого нашего папу Баэра? Вот только попробуй еще раз! – воскликнул Нед, в приступе праведного гнева схватив Эмиля за воротник.

– Да это уже давно было. А теперь я не стал бы, хоть голову мне отрежь. – Эмиль мягко уложил Неда на спину, вместо того чтобы полезть на него с кулаками, что обязательно сделал бы в менее торжественном случае.

– Да как ты мог? – изумился Деми.

– Да я тогда совсем ополоумел, решил, что ничего страшного, может, мне даже понравится. Но когда я нанес дяде первый и очень крепкий удар, мне вдруг сразу вспомнилось все, что он для меня сделал, и больше я уже не смог. Никакими силами! Он мог положить меня на пол и топтать ногами, я и то бы не сопротивлялся, так ужасно мне было. – Эмиль звучно стукнул себя кулаком в грудь, показывая, как совестно ему за свои былые поступки.

– Нат ревет белугой, и стыдно ему будьте-нате, так что давайте об этом ни слова, ладно? – предложил добряк Томми.

– Разумеется, но все равно лгать ужасно. – Всем своим видом Деми показывал, что еще ужаснее, когда наказан оказывается не сам грешник, а его ненаглядный дядя Фриц.

– Пошли-ка отсюда, чтобы Нат мог незаметно пройти наверх, если захочет, – предложил Франц и повел их в сарай, где принято было искать убежища в минуты душевных смут.

Нат не пришел обедать, однако миссис Джо отнесла ему еды и ласково с ним поговорила, отчего ему сделалось легче, хотя он и не смог поднять на нее глаза. Но вот мальчики, игравшие на улице, услышали звуки скрипки и сказали себе: «Все с ним в порядке». Нату действительно полегчало, но спускаться вниз он стыдился; впрочем, когда он наконец открыл дверь, чтобы выскользнуть в лес, оказалось, что на ступенях сидит Дейзи, а в руках у нее ни куклы, ни рукоделья, только носовой платочек – она будто бы оплакивает своего пленного друга.

– Я иду гулять, хочешь со мной? – спросил Нат, пытаясь делать вид, что ничего не произошло, и одновременно испытывая к ней огромную благодарность за молчаливое сострадание: ему-то казалось, что все считают его мерзавцем.

– Конечно! – Дейзи побежала за шляпкой, гордясь, что один из старших мальчиков согласился взять ее в компанию.

Остальные видели, как они уходят, однако никто не пошел следом: мальчики обладают куда большей деликатностью, чем принято считать, а сейчас они чутьем поняли, что в минуту позора не может быть спутника желаннее, чем милая маленькая Дейзи.

Прогулка пошла Нату на пользу, домой он вернулся притихшим, но приободренным, а кроме того, весь был увешан венками из маргариток, которые сплела его спутница, пока он лежал на траве и рассказывал ей разные истории.

Про утреннюю неприятность никто не сказал ни слова, но, возможно, именно благодаря этому эффект сохранился надолго. Нат старался изо всех сил и чувствовал неизменную поддержку – не только от искренних молитв, которые он возносил своему небесному Другу, но и в силу терпеливого участия друга земного, прикасаясь к руке которого он теперь всегда помнил, что ради него рука эта согласилась претерпеть боль.

Глава пятая

Пирожки

– Ты чего, Дейзи?

– Мальчики не взяли меня играть.

– Почему?

– Говорят – девочки в футбол не играют.

– Еще как играют, я сама играла! – Миссис Баэр рассмеялась, вспоминая свои детские выходки.

– Я умею играть в футбол. Мы с Деми раньше играли, и нам было очень весело, а теперь он меня не взял – сказал, другие мальчики будут над ним смеяться.

Дейзи надулась, вспоминая жестокосердие брата.

– Мне кажется, по большому счету он прав, лапушка. Вдвоем играть – это одно, но когда на поле дюжина мальчишек, всякое может случиться. Лучше придумай себе какое-нибудь другое развлечение.

– Надоело мне самой развлекаться! – В голосе Дейзи звучала неподдельная скорбь.

– Я бы с тобой поиграла, но сейчас у меня ни секундошки, нужно подготовиться к поездке в город. Ты тоже поедешь со мной повидать маму? Если хочешь, можешь с ней остаться.

– Я с удовольствием поеду и повидаюсь с ней и с малюткой Джози, но потом, если можно, вернусь сюда. Деми без меня будет скучать, а мне тут очень нравится, тетушка.

– А без Деми ты совсем не можешь жить, да? – Судя по лицу тети Джо, она прекрасно понимала, почему девочка так любит своего брата.

– Конечно не могу, мы же близнецы, а значит, любим друг друга сильнее, чем всех остальных, – отвечала Дейзи, просветлев лицом: то, что у нее есть брат-близнец, она считала для себя высочайшей честью.

– Так, чем бы тебя занять, пока у меня нет ни секундошки? – размышляла миссис Баэр, стремительно укладывая в шкаф стопки белья.

– Не знаю, куклы и все такое мне страшно надоели. Вот если бы вы придумали для меня новую игру, тетя Джо, – сказала Дейзи, покачивая дверь туда-сюда.

– Придумать придется что-то небывалое, а на это нужно время, сходи-ка пока посмотри, что Ася приготовила вам на обед, – предложила миссис Баэр, решив, что тем самым хоть ненадолго избавится от маленькой докуки.

– Да, это я с удовольствием, если она сегодня не сердится. – И Дейзи медленно направилась в сторону кухни, где безраздельно царила их кухарка-негритянка Ася.

Через пять минут Дейзи вернулась – личико ее было оживленно, в руке она держала кусочек теста, а носик был перемазан в муке.

– Тетушка! Пожалуйста, можно, я пойду делать имбирное печенье и все такое? Ася совсем не сердитая и сказала, что разрешает, а это будет так замечательно, я вас очень прошу! – на одном дыхании выпалила Дейзи.

– Самое то, конечно, ступай, делай что хочешь и обратно не спеши, – ответила миссис Баэр с немалым облегчением, потому что развлечь одну девочку порой сложнее, чем дюжину мальчиков.

Дейзи убежала, а тетя Джо, продолжая свою работу, ломала голову над новой игрой. И тут ее вдруг посетила одна мысль, потому что она улыбнулась, захлопнула дверцы шкафа и торопливо вышла, приговаривая:

– Сделаю, если это возможно!

Что именно она имела в виду, в тот день никто так и не выяснил, однако у тети Джо очень ярко блестели глаза, когда она сообщила Дейзи, что придумала новую игру и все для нее купит; Дейзи страшно обрадовалась и всю дорогу до города засыпала тетю вопросами, однако ответы ни о чем ей не сказали. Дома ее оставили играть с новорожденной и радовать мамин взор, а тетя Джо тем временем отправилась по магазинам. Обрато она приехала в экипаже, по которому было распихано несколько покупок, и любопытство у Дейзи разыгралось так сильно, что она захотела сразу же вернуться в Пламфилд. Но тетя не спешила, надолго ушла к маме в комнату, сидела там на полу с малышкой на коленях, смешила миссис Брук рассказами о проделках мальчишек и прочими скучными глупостями.

Дейзи никак не могла понять, когда тетя сообщила секрет маме, но мама, похоже, все знала, потому что, завязывая маленький капор и целуя розовое личико под ним, она произнесла:

- Веди себя хорошо, доченька, и выучи эту замечательную новую игру, которую придумала тетя. Она очень интересная и полезная, тетя молодец, что решила с тобой поиграть, потому что сама она ее не очень любит.

После последних слов обе дамы покатались от хохота, что озадачило Дейзи только сильнее. Они отъехали, в задней части кареты что-то погромыхивало.

- Что это? - удивилась Дейзи, вслушиваясь.

- Новая игра, - многозначительно сообщила миссис Джо.

- А из чего она сделана? - воскликнула Дейзи.

- Из железа, латуни, дерева, меди, сахара, соли, угля и еще сотни вещей.

- Ну надо же! А какого она цвета?

- Самых разных цветов.

- А она большая?

- Местами - да, а местами - нет.

- А я ее раньше видела?

- Похожие - да, но не такие красивые!

- Ой, ну что же это такое? Поскорее бы узнать! А когда вы мне ее покажете? - Дейзи так и подпрыгивала от нетерпения.

- Завтра утром после уроков.

- А она и для мальчиков?

- Нет, только для тебя и Бесс. Мальчики тоже захотят посмотреть и поучаствовать на одном этапе. Но разрешить им или нет - твой выбор.

- Деми я разрешу, если он захочет.

- Уверяю, что все захотят, особенно Тюфячок. - Глаза миссис Баэр ярко блеснули, и она погладила странный бугристый узелок, который держала на коленях.

- Дайте и мне потрогать! - умоляла Дейзи.

- Ни за что. Ты сразу догадаешься, и будет не так интересно.

Дейзи застонала, а потом личико ее озарила улыбка, потому что сквозь дырочку в бумаге она увидела что-то блестящее.

- Невозможно так долго ждать! А можно посмотреть сегодня?

- Ну уж нет! Нужно все подготовить, столько всяких мелочей поставить на свои места. Я дала дяде Тедди слово, что ты ничего не увидишь, пока оно не будет готовенькое-преготовенькое.

- Если про это даже дядя знает, это наверняка просто замечательная штука! - воскликнула Дейзи, хлопая в ладоши. Добрый, богатый и жизнерадостный дядюшка был для них своего рода крестной феей, щедрой на веселые сюрпризы, милые подарки и удивительные развлечения.

- Да. Тедди ходил со мной его покупать, и мы здорово повеселились, выбирая в магазине отдельные части. Он хотел, чтобы все было самого лучшего качества и большого размера, так что в его руках мой скромный план превратился в целую затею. Когда он придет, поцелуй его от всей души, потому что нет другого такого же доброго дядюшки, который покупает своим племянникам такой пи... Ах, да что же! Я едва не проговорила! - Миссис Баэр прервалась на самом интересном месте и принялась рассматривать счета, как будто бы испугавшись, что если снова откроет рот, то обязательно выдаст свою тайну. Дейзи с покорным видом сложила ручки и сидела тихо, пытаясь догадаться, название какой игры начинается с «пи».

Когда они добрались до дома, Дейзи проводила глазами каждый пакет, выгруженный из экипажа, и один из них, особенно большой и тяжелый, который Франц отнес напрямик наверх и спрятал в детской, вызвал у нее особое

любопытство и восхищение. Днем в доме происходило что-то совершенно загадочное: Франц стучал молотком, Ася бегала вверх-вниз, тетя Джо летала по коридорам, подобно болотному огоньку, таскала в переднике какие-то загадочные вещи, а маленький Тед – его единственного из всех пустили в комнату, зная, что проболтаться он попросту не сумеет, – лепетал и смеялся, пытаясь объяснить, что там за «кьясивая игуьска».

Дейзи совсем потеряла голову, заразив своим волнением и мальчиков – они забросали матушку Баэр предложениями своей помощи, однако она решительно отказывала, цитируя их собственные слова:

– Девочки не играют с мальчиками. Это для Дейзи, Бесс и для меня, а вы нам ни к чему.

После этого юные джентльмены смиренно удалились и пригласили Дейзи поиграть с ними в шарики, лошадки, футбол – во что угодно, причем с такими нежданной вежливостью и теплотой, что она изумилась до самых глубин своей маленькой невинной души.

Их внимание позволило ей дотерпеть до конца дня, пораньше лечь в постель, а утром выучить все уроки с таким усердием, что дядя Фриц посетовал, почему нельзя каждый день изобретать по новой игре. По классу пробежала волна возбуждения, когда в одиннадцать часов Дейзи отпустили: все знали, что сейчас для нее начнется новая загадочная игра.

Когда она сбегала вниз, за ней следило множество глаз, причем Деми настолько отвлекся, что, когда Франц спросил у него, где находится пустыня Сахара, он угрюмо ответил: «В детской» – и все покатались от хохота.

– Тетя Джо, я все уроки выучила и больше не могу ждать ни секундочки! – выкрикнула Дейзи, вбегая в комнату миссис Баэр.

– Все готово, идем. – Подхватив Тедди под мышку, а рабочую корзинку – под другую, тетя Джо повела племянницу наверх.

– Я ничего не вижу, – пожаловалась Дейзи, шагнув в детскую и оглядевшись.

– А слышишь что-нибудь? – поинтересовалась тетя Джо, хватая Теда, направившегося в угол комнаты, за платице.

Дейзи слышала какое-то постукивание, а потом тихое бормотание – как будто запел чайник. Звуки доносились из-за занавески, натянутой перед большим эркером. Дейзи отдернула ее, радостно выдохнула: «Ох!» – и замерла, глядя – знаете на что?

Вдоль эркера шла широкая скамья, по одну ее сторону стояли и висели разные горшочки-кастрюлечки, ковшички и котелки, на другой расположился небольшой сервиз, столовый и чайный, в центре – плита. Не латунная, от которой никакого проку, а настоящая, железная, достаточно большая, чтобы наготовить еды для целого семейства очень голодных кукол. И главное – в плите горел настоящий огонь, а из носика крошечного чайника шел настоящий пар, а крышка на крошечной грелке по-настоящему танцевала джигу, потому что внутри кипела вода. Одно из стекол в раме вынули и заменили листом фольги, в ней проделали отверстие для небольшой трубы, так что наружу плыл настоящий дым, да настолько естественно, что просто сердце радовалось. Рядом стоял ящик с поленьями и углем, над ними висели метла, швабра и совок; на низеньком столике, где Дейзи раньше играла, красовалась корзиночка для продуктов, а над стульчиком висели белый передник, нагрудник и замечательный поварской колпак. Сияло солнце, как будто тоже радуясь забаве, плита весело гудела, чайник исходил паром, новенькие кастрюльки блестели, хорошенькие чашечки и тарелочки стояли заманчивыми рядами, – словом, все на этой кухоньке имелось в такой прелестной полноте, о какой всякой девочке оставалось только мечтать.

Выпалив радостное «ох!», Дейзи замерла, однако глаза ее перебежали с одной восхитительной вещицы на другую, блестя все ярче, и в конце концов остановились на довольном лице тети Джо, там они и оставались, пока счастливая девочка обнимала свою тетушку, благодарно лепеча:

– Ах, какая замечательная игра! А мне правда можно готовить на этой милой плитке, устраивать ужины и обеды, подметать пол, разводить настоящий огонь? Как здорово! Как вы это придумали?

– Я подумала об этом, когда тебе понравилось помогать Асе печь имбирное печенье, – сказала миссис Баэр, удерживая Дейзи, потому что казалось, что та вот-вот взлетит. – Я знала, что Ася рассердится, если ты будешь все время

вертеться на кухне, да там и не так безопасно, как у этой печурки, вот я и подумала, не смогу ли найти для тебя маленькую плиту и научить тебя готовить, будет и весело, и полезно. Тогда я отправилась по игрушечным магазинам, но все большое стоило очень дорого, и я совсем уже было отчаялась, но тут встретила дядю Тедди. Узнав, в чем дело, он сказал, что хочет помочь, и настоял на том, чтобы купить самую большую игрушечную плиту из всех, какие нам попались. Я на него разворчалась, но он только рассмеялся и стал дразнить меня тем, как плохо я готовила, когда мы были молоды, а потом сказал, что я обязательно должна как следует научить и Бесс, и тебя, и закупил кучу всяких милых вещичек для моих «кулинарных занятий» – он так это назвал.

– Я так рада, что вы его встретили! – произнесла Дейзи, едва миссис Джо отсмеялась, вспоминая, как замечательно она провела время с дядей Тедди.

– Ты, главное, учись усердно, осваивай разные рецепты – он сказал, что будет теперь очень часто приезжать к чаю и ждет чего-нибудь исключительно вкусного.

– Это самая милая и чудная кухонька на свете, и здесь будет просто замечательно. А научите меня пирогам, тортикам, макаронам и всему остальному? – воскликнула Дейзи, танцуя по комнате с новенькой сковородкой в одной руке и крошечной кочергой в другой.

– Все в свое время. Будем играть в полезные игры, я стану тебе помогать, а ты назначаешься моей кухаркой, мое дело – говорить, что приготовить, и показывать как. Мало-помалу мы научимся готовить настоящую еду, а там ты начнешь понемногу стряпать для всей семьи. Называть я тебя буду Салли, а всем скажу, что ты – наша новая служанка, – добавила миссис Джо и взялась за работу. Тедди же сидел на полу, сосал палец и тарашился на плиту, как на живое существо, вызывавшее у него неподдельный интерес.

– Как здорово! А с чего начнем? – спросила Салли, причем личико у нее сияло таким счастьем и готовностью учиться, что тетя Джо подумала: быть бы всем молодым кухаркам такими симпатичными и услужливыми.

– Прежде всего надень чистый колпак и передник. Я старомодна и люблю, чтобы кухарки были опрятными.

Салли заправила кудряшки под круглый колпак и без всяких возражений надела передник, хотя обычно протестовала против нагрудников.

– А теперь наведи порядок и перемой новые тарелки. Старый сервиз тоже нужно вымыть, потому что предыдущая моя служаночка оставляла его после праздников в совершенно безобразном состоянии.

Тетя Джо произнесла это без всякой иронии, и все же Салли рассмеялась – она знала имя маленькой неряхи, после которой чашки остались липкими. А потом подвернула манжеты и, радостно вздохнув, захлопотала на своей кухоньке, то и дело ахая от восторга при виде «миленькой скалочки», «прелестного тазика для посуды» или «умнички-перечницы».

– Салли, возьми корзинку и сходи на рынок, вот список продуктов к ужину, – распорядилась миссис Джо, выдавая девочке листок бумаги; посуда к этому времени уже сияла чистотой.

– А где находится рынок? – поинтересовалась Дейзи, думая про себя, что новая игра с каждой минутой делается все интереснее.

– Рынок – это Ася.

Салли отправилась на кухню, вызвав по дороге новый приступ шушуканий в классе: проходя мимо двери в своем новом наряде, она прошептала Деми – причем личико ее так и светилось от восторга:

– Это просто невероятно замечательная игра!

Старой Асе забава понравилась не меньше, чем Дейзи, и она посмеялась от души, когда девочка влетела на кухню – колпак набекрень, крышка корзинки постукивает не хуже кастаньет, а вид у юной кухарки весьма встрепанный.

– Миссис тетя Джо просит продуктов, нужно мне их выдать моментально, – с важным видом объявила Дейзи.

– Давай поглядим, душечка: два фунта говядины, картофель, тыква, яблоки, хлеб, масло. Мясо еще не привезли, как привезут – пришлю. Остальное все есть.

Ася выбрала картофелину, яблоко, кусок тыквы, шматочек масла и булочку и сложила в корзину, велев Салли следить за мальчишкой от мясника – тот порой балуется.

– А он кто? – спросила Дейзи с надеждой, что это окажется Деми.

– Увидишь, – только и сказала Ася, после чего Салли в прекрасном расположении духа отправилась назад, напевая стишок из прекрасной книжки Мэри Хауитт[15 – Мэри Хауитт (1799–1888) – английская поэтесса. Здесь приведена строфа из ее поэмы для детей «Мейбл и день летнего равноденствия».]:

Ушла обратно Мейбл,

С собой несла она

Пирог, горшочек масла,

Бутылочку вина.

– Все, кроме яблока, пока сложи в шкаф, – распорядилась миссис Джо, когда кухарка вернулась домой.

Под центральной полкой был сделан шкафчик, Дейзи открыла его и вновь ахнула от восторга. Одна половина представляла собой кладовку – там лежали дрова, уголь и растопка. В другой стояли крошечные баночки, коробочки и прочие приспособления, куда можно было насыпать муку, крупу, сахар, соль и другие долгосрочные припасы. Тут же дожидались банка с вареньем, жестянка с имбирными пряниками, флакончик из-под одеколона со смородиновым вином и небольшой пакет с чаем. Но прелестнее всех оказались два кукольных ведерка со свежим молоком, на поверхности которого уже скопились сливки, и тут же лежала лопаточка, чтобы их снять. Дейзи захлопала в ладоши и захотела снять сливки немедленно. Тетя Джо остановила ее:

– Нет, сливки прибереги себе до ужина, ты же захочешь съесть их с яблочным пирогом.

– А мне дадут яблочного пирога? – воскликнула Дейзи, не в силах поверить, что ее ждет такое счастье.

– Да, при условии, что твоя духовка сумеет испечь пару славных пирожков, яблочный и клубничный, – сказала миссис Джо, которой, похоже, игра эта нравилась не меньше, чем Дейзи.

– Ой, а что для этого нужно делать? – воскликнула Салли, которой не терпелось приступить.

– Закрой в плите нижнюю заслонку, чтобы духовка нагрелась. Потом вымой руки, достань муку, сахар, соль, масло и корицу. Убедись, что доска для раскатки теста чистая, нарежь яблоко для начинки.

Дейзи выполнила все почти без шума и почти ничего не рассыпав – весьма похвально для столь юной кухарки.

– Вот только не знаю, как отмерять продукты для таких маленьких пирожков, придется на глазок, а ошибусь – начнем заново, – сказала миссис Джо, одновременно и озадаченная, и позабавленная этим затруднением. – Насыпь вон в ту кастрюлечку муки, добавь щепотку соли, а потом разотри масла – столько, сколько поместится на эту тарелочку. Помни: сперва нужно смешивать все сухое, потом уже добавлять жидкость. Иначе толком не перемешать.

– Я знаю как, видела, как это делает Ася. А противни ведь тоже нужно смазать маслом? У Аси это первое дело, – сказала Дейзи, проворно замешивая тесто.

– Совершенно верно! Похоже, у тебя дар готовить, ты быстро все схватываешь, – одобрительно произнесла тетя Джо. – Так, теперь плеснем холодной воды, чтобы смочить тесто, посыплем доску мукой, раскатаем тесто, да, именно так. Добавь несколько кусочков масла, раскатай еще раз. Жирным тесто делать не будем, побережем куколок от несварения.

Дейзи на это рассмеялась и щедро добавила масла. Потом долго раскатывала тесто своей восхитительной скалочкой, а закончив, стала раскладывать его на противне. После этого нарезала яблоки, щедро сдобрила их сахаром и корицей и, не дыша, положила верхнюю корочку.

– Мне всегда хотелось делать пирожки круглыми, а Ася никогда не разрешала. А теперь так здорово – я все сама! – радовалась Дейзи, обрезая ножичком лишнее тесто вокруг кукольной тарелки.

У всех кухарок, даже самых опытных, случаются неудачи, и первая постигла и Салли: она так торопливо орудовала ножичком, что тарелка соскользнула, сделала сальто в воздухе – и несчастный пирожок шлепнулся на пол. Салли ахнула, миссис Джо рассмеялась, Тедди бросился ловить тарелку, и на несколько секунд в новой кухне поднялся страшный переполох.

– Он не развалился и не лопнул, потому что я крепко зацепила края, ничего ему не сделалось, так что я сейчас наколю в нем дырочки, и все будет готово, – сказала Салли, подбирая свое сокровище и возвращая ему нужную форму с детским пренебрежением к тому, что оно изрядно запыхалось при падении.

– У моей новой кухарки легкий нрав, как это здорово, – сказала миссис Джо. – Так, а теперь открой банку с клубничным вареньем, положи на второй пирог – он будет открытым, а сверху выложи полоски теста, как делает Ася.

– Я в середине выложу букву «Д», а вокруг сделаю зигзаги, потом интересно будет есть, – вызвалась Салли, покрывая пирожок сложным узором, который наверняка озадачил бы настоящего пекаря. – А теперь сажаем в печку! – воскликнула она, аккуратно поместив на красную клубничную поляну последнюю кривую загогулину, и победоносно отправила пирожки в духовку.

– Теперь наведи чистоту, у хорошей кухарки посуда никогда не лежит грязной и не пылится. А потом почисти картофель и тыкву.

– Картофелина только одна, – хихикнула Салли.

– Нарезь ее на четыре части, чтобы поместилось в чайничек, и залей холодной водой, пусть полежит до варки.

– А тыкву тоже залить?

– Ни в коем случае! Просто почисти, порежь и положи готовиться на пару над кастрюлькой. Так она не размякнет, хотя это и дольше.

Тут у дверей кто-то зацарапался, Салли бросилась открывать – и появился Кит с закрытой корзинкой в пасти.

– А вот и мальчик от мясника! – воскликнула Дейзи в восторге от этой выдумки; она забрала у песика корзинку, он же лизнул ее в губы и начал выпрашивать кусочек, явно возомнив, что нес свой собственный обед – ему часто приходилось так же носить его хозяину. Обманувшись в своих ожиданиях, он ушел в сильнейшем возмущении и лаял, спускаясь по лестнице, пытаясь унять обиду.

В корзинке лежало два куска говядины (кукольные порции), печеная груша, пирожное, а сверху – листок бумаги, на котором Ася накорябала: «Мисси на ленч ежели сама не настряпает».

– Не хочу я ее груш, и вообще! Я умею стряпать и приготовлю отменный обед, вот увидите! – возмущенно воскликнула Дейзи.

– Может, они нам пригодятся, если вдруг гости нагрянут. Всегда полезно иметь что-то про запас, – заметила тетя Джо, которая усвоила этот урок на суровом опыте собственных хозяйственных передраг.

– Кусять хотю! – объявил Тедди, решивший, что хватит уже возиться с готовкой, пора положить что-нибудь в рот. Мама дала ему свою корзинку с рукоделием, чтобы он в ней покопался, – в надежде, что так он продержится, пока обед не подоспеет, – и вернулась к плите.

– Поставь овощи на огонь, накрой на стол, а потом разожги уголь – будем готовить мясо.

Как приятно наблюдать, как картошка булькает в кастрюлечке, приглядывать за тыквой, доспевающей на пару, каждые пять минут распахивать дверцу духовки, чтобы проверить, как там пироги, и наконец, когда угли раскалятся докрасна, нанизать два куска мяса на вертел длиной в палец и гордо поворачивать их вилкой. Картошка сварилась первой, и неудивительно – вода в кастрюле просто была ключом. Клубень размяли крошечным пестиком, добавили побольше масла, но не соли (кухарка от возбуждения про нее забыла), выложили пюре горкой на красное блюдо, пригладили ножом, смоченным в молоке, и отправили в духовку покрываться корочкой.

Салли так увлеклась всеми этими операциями, что вспомнила про пироги, только когда открыла дверцу, чтобы поставить в духовку пюре, – и тут прозвучал вопль отчаяния, ибо – увы! увы! – пирожки ее сгорели дочерна!

– Пирожки! Милые мои пирожки! Я их испортила! – причитала бедная Салли, заламывая испачканные ручки и глядя на свой погибший труд. Открытый пирог выглядел особенно жалко, потому что завитки и зигзаги торчали из почерневшего варенья во все стороны, будто стены и трубы дома после пожара.

– Ах ты ж господи, а я и забыла тебе напомнить, что их надо вынуть! Уж с меня станется! – виновато произнесла тетя Джо. – Не плачь, дружок, это моя вина, после обеда попробуем снова, – добавила она, потому что из глаза Салли выкатилась крупная слеза и зашипела, упав на остатки выпечки.

Покатились бы и другие слезы, но тут мясо начало пригорать, и кухарка устремилась к нему, а там вскоре и позабыла про погибшие пирожки.

– Поставь блюдо для мяса и тарелки на плиту подогреться, а тем временем разотри тыкву с маслом, солью и чуточкой перца, – командовала миссис Джо, надеясь от всей души, что остаток приготовлений обойдется без катастроф.

«Умничка-перечница» слегка утешила Салли, и тыкву она подала в отменном виде. Накрыли к столу, за него, по три с каждой стороны, посадили шестерых кукол, на одном торце восседал Тедди, на другом – Салли. Вид получился весьма внушительный, поскольку одна кукла была в полном бальном облачении, другая – в ночной сорочке, соломенный пупс Джерри явился в красном теплом костюмчике, а безногая красotka Аннабелла в совсем небрежном туалете: только своей собственной лайковой коже. Тедди, как отец семейства, вел себя с величайшим достоинством: улыбался, ел все, что ему давали, и все считал отменно вкусным. Дейзи улыбалась своим гостям, точно усталая, заботливая и приветливая хозяйка, каких часто приходится видеть за такими вот столами, причем гостей своих она обслуживала с видом беспечно-удовлетворенным, а это встречается нечасто.

Мясо оказалось настолько жестким, что маленький ножичек с ним не справился, пюре не подрумянилось, а тыква так и осталась кусками, но гости из вежливости не обращали внимания на эти пустяки, что касается хозяина и хозяйки, они уписывали яства с завидным аппетитом. Радость от поглощения снятых сливок смягчила удар, нанесенный сгоревшими пирогами, а Асино пирожное, вызвавшее поначалу такое презрение, оказалось отменным десертом.

– Никогда в жизни я не ела такого замечательного ленча! Можно, я теперь каждый день буду готовить? – спросила Дейзи, доедая последние крошки.

– Можешь готовить каждый день после уроков, но я бы хотела, чтобы ты ела то, что получится, за столом вместе со всеми, а на ленч – только кусочек пряника. Поскольку сегодня первый раз, я не против, дальше же будем соблюдать общие правила. Днем, если хочешь, можешь приготовить что-нибудь к чаю, – сказала миссис Джо, которой очень понравился званый обед, хотя саму ее к столу и не пригласили.

– Можно, я тогда напеку блинчиков для Деми? Он их страшно любит, а их весело переворачивать и посыпать сахаром! – воскликнула Дейзи, заботливо вытирая желтое пятно со сломанного носика Анабеллы: Белла отказалась есть тыкву, хотя ее и заставляли, ведь та прекрасно помогает от «ливматизма», от которого она страдала, – что неудивительно, учитывая легкость ее наряда.

– Если ты станешь угощать Деми, все остальные захотят тоже, а это задача нелегкая.

– А можно, на этот раз Деми придет ко мне на чай один? А потом я и остальным стану печь, если они будут хорошо себя вести, – предложила Дейзи, которую внезапно озарило.

– Отличная мысль, мой цветик! Твое угощение будет наградой хорошим мальчикам, а я-то знаю, что вкусненькое они любят едва ли не больше всего на свете. Если маленькие мужчины таковы же, как и большие, именно вкусная еда способна найти путь и к их сердцу, и к хорошему настроению, – добавила тетя Джо, бодро кивнув на дверь, в которой стоял папа Баэр и добродушно осматривал эту сцену.

– Последний выпад был явно в мой адрес, моя остроумничка. Принимаю, ибо каждое слово – правда, вот только если бы я, сердце мое, женился на тебе только ради твоих кулинарных способностей, туго бы мне пришлось в последние годы, – произнес профессор и рассмеялся, подбрасывая в воздух Тедди, который отчаянно лепетал, пытаясь донести до папы, какой ему только что задали пир.

Дейзи гордо показала дяде свою кухню и довольно смело пообещала испечь столько блинчиков, сколько он сможет съесть. Она как раз рассказывала, какое

новое поощрение они с тетей придумали, когда в комнату ворвались мальчики во главе с Деми, принюхиваясь, как стоя голодных псов, ибо уроки закончились, обед еще не подали, а запах говядины привел их прямо на место.

Не было на земле второй такой гордой хозяйки, как Салли: она показывала свои сокровища и рассказывала мальчикам, что их ждет. Некоторые только фыркнули, усомнившись, что она может приготовить что-то съедобное, однако Тюфяк тут же поверил ей на слово. Нат и Деми ни на миг не усомнились в ее способностях, остальные же сказали: поживем – увидим. Кухонька, впрочем, восхитила всех, и они с большим интересом осмотрели плиту. Деми предложил тут же приобрести у нее котел – подойдет для паровой машины, которую он строит, а Нед объявил, что самая вместительная кастрюля как раз годится, чтобы растапливать свинец, из которого он отливает пули, топорики и прочие пустяки.

Дейзи так перепугалась, что миссис Джо тут же на месте сформулировала и провозгласила правило, согласно которому мальчикам не разрешалось трогать или использовать драгоценную плиту, равно как и приближаться к ней без особого разрешения владелицы. В глазах джентльменов это только возвысило ценность плиты, тем более что нарушение правила каралось лишением права пробовать те яства, которые были обещаны всем, его соблюдающим.

Тут прозвонил колокольчик, и все отправились обедать, причем прошел обед очень оживленно – каждый из мальчиков сообщал Дейзи список кушаний, которые он хотел бы заслужить и попробовать. Дейзи, обладавшая безграничной верой в свою плиту, обещала, что сделает, если только тетя Джо научит ее как. Это сильно встревожило миссис Джо, ибо некоторые блюда были ей явно не по силам – например, свадебный торт, леденцы на палочке и щи с селедкой и вишнями – их заявил в качестве своего любимого блюда мистер Баэр, ввергнув тем самым жену в отчаяние, поскольку освоить немецкую кухню ей так и не удалось.

Дейзи хотела взяться за готовку сразу же после обеда, но позволили ей только вымыть посуду, наполнить чайник и отстирать передник, который выглядел так, будто пережил рождественскую пирушку. После этого ее отослали поиграть до пяти часов – дядя Фриц сказал, что избыточное усердие, пусть даже и за кухонной плитой, плохо сказывается на юных головах и телах, а тетя Джо в силу долгого опыта знала, как быстро надоедают новые игрушки, если пользоваться ими без удержу.

Днем все были с Дейзи необычайно любезны. Томми пообещал ей первые плоды своего огорода, хотя пока там не выросло ничего, кроме сорняков; Нат был готов бесплатно снабжать ее дровами; Тюфяк просто благоговел перед ней; Нед взялся мастерить ледник для ее кухни, а Деми, с пунктуальностью, редкостной для столь юного существа, отвел ее в детскую, как только часы пробили пять. Садиться за стол еще было рано, но он так умолял, чтобы ему позволили помочь, что получил дозволение, которое редко дается гостям: он разводил огонь, бегал по мелким поручениям и с пристальным интересом наблюдал за приготовлением своего ужина. Миссис Джо взяла на себя руководство, она то приходила, то уходила, потому что одновременно развешивала в доме чистые занавески.

- Попроси у Аси чашечку сметаны, тогда блинчики получатся пышными без всякой соды, я ее не люблю. - Таково было первое распоряжение.

Деми помчался вниз и вернулся со сметаной, а также с кривой гримасой на физиономии, потому что попробовал сметану по дороге и нашел такой кислой, что испугался за свои блинчики. Миссис Джо, воспользовавшись возможностью, прочла прямо со стремянки небольшую лекцию о химических свойствах соды - Дейзи не слушала, а вот Деми слушал и все понял, что следовало из краткого, но емкого ответа:

- Да, понял, сода делает кислое - сладким, а пузырьки придают пышность. Поглядим, Дейзи, как у тебя получится.

- Насыпь в миску муки почти до края, добавь немного соли, - продолжала миссис Джо.

- Ух ты, похоже, едва ли не всюду нужно добавлять соль, - пожаловалась Салли, которой надоело открывать коробочку для пилюль, в которой лежала соль.

- Соль - как добрая шутка, цветик: ее полезно понемногу добавлять повсюду. - Дядя Фриц, проходивший мимо с молотком в руке, приостановился и вбил в стену пару гвоздиков - повесить на них сковородки.

- Вас к ужину не пригласили, но я вас угощу блинчиком, - сказала Дейзи, приподнимая перепачканную мукой мордашку, чтобы отблагодарить его поцелуем.

– Фриц, не мешай нашим кулинарным урокам, а то я заявлюсь читать мораль к тебе на урок латыни. Думаешь, тебе это понравится? – сказала миссис Джо, роняя ему на голову здоровенную ситцевую занавеску.

– Еще как понравится, можешь попробовать, – благодушно произнес мистер Баэр и отправился дальше – напевать и вбивать гвозди по всему дому, точно гигантский дятел.

– Добавь к сметане соды и, когда появятся «пузырьки», как выразился Деми, смешай с мукой и взбей изо всей силы. К тому времени разогрей сковородку, как следует смажь маслом – и поджаривай, пока я не вернусь. – И тетя Джо тоже исчезла.

Как старательно трудилась маленькая ложка, как бойко взбивалось тесто – уж поверьте, оно стало пышнее некуда, а когда Дейзи вылила часть на сковородку, оно поднялось, точно по волшебству, и получился пухлый блинчик, при виде которого у Деми потекли слюнки. Да, первый пристал к сковородке и подгорел, потому что Дейзи забыла ее смазать, но после этой неудачи все шло хорошо, и на тарелке в итоге оказалось шесть замечательных блинчиков.

– Знаешь, мне кленовый сироп нравится больше сахара, – сказал Деми, который сидел в кресле с тех пор, как по-новому и очень необычно накрыл на стол.

– Сходи попроси его у Аси, – ответила Дейзи и отправилась в ванную комнату помыть руки.

Детская осталась без присмотра, и тут произошло ужасное. Видите ли, Кит с утра ходил обиженный, ведь он доставил мясо в целости, а ему ничего не перепало. Нет, он был хорошим песиком, но у него, как и у всякого, имелись мелкие недостатки, так что ему не всегда удавалось устоять перед искушением. И вот он случайно забрел в детскую, учуял блинчики, увидел их на низком столике без всякого присмотра и, не задумываясь о последствиях, слопал все шесть в один присест. Рада сообщить, что блинчики были горячие и он так сильно обжегся, что даже тьякнул от удивления. Дейзи услышала, прибежала, увидела пустую тарелку, а также кончик рыжего хвоста, уползавший под кровать. Она, не сказав ни слова, схватилась за хвост, вытащила негодника и принялась его трясти – так, что только уши болтались, – а потом оттащила его вниз в сарай, где он вынужден был провести одинокий вечер на ящике с углем.

Ободренная сочувствием, которое проявил Деми, Дейзи растворила еще теста и нажарила дюжину блинчиков – они получились еще лучше прежних. Даже дядя Фриц, которому досталось два, попросил ей передать, что в жизни не пробовал таких вкусных, а все мальчики, сидевшие внизу за столом, завидовали Деми, который пировал наверху.

Ужин удался на славу – крышка от чайничка свалилась на пол всего трижды, а молочник опрокинули только один раз, блинчики плавали в сиропе, а поджаренный хлеб восхитительно отдавал говядиной, потому что и то и другое кухарка насаживала на один и тот же вертел. Деми забыл о философии и старательно набивал рот, а Дейзи мечтала о роскошных банкетах. Куклы благожелательно на все взирали.

– Ну как, дружочки, вам было хорошо? – спросила миссис Джо, входя с Тедди на плече.

– Просто отлично. Я скоро еще приду, – с чувством произнес Деми.

– Гляжу я на стол и побаиваюсь, что ты объелся.

– Вовсе нет, я всего-то съел пятнадцать блинчиков, причем очень маленьких, – запротестовал Деми, которому сестренка то и дело подкладывала на тарелку.

– Ничего ему не будет, они же очень вкусные, – добавила Дейзи с такой забавной смесью материнской заботы и хозяйской гордости, что тетя Джо смогла лишь улыбнуться и произнести:

– Что ж, выходит, новая игра удалась?

– Мне очень нравится, – подтвердил Деми, как будто кто-то ждал его одобрения.

– Самая лучшая игра на свете! – воскликнула Дейзи, обнимая свой тазик для посуды – она как раз собиралась мыть чашки. – Всем бы такую замечательную плиточку, как моя, – добавила она, любовно оглядывая свое хозяйство.

– Нужно дать этой игре какое-то название, – решил Деми, с серьезным видом очищая языком физиономию от сиропа.

- Уже есть.

- Какое? - нетерпеливо спросили оба.

- Давайте назовем ее «Пирожки».

И тетя Джо удалилась, очень гордая тем, что сумела поставить своим солнечным зайчикам очередную занятную ловушку.

Глава шестая

Подстрекатель

- Прошу прощения, мадам, можно с вами поговорить? По очень важному поводу, - произнес Нат, просовывая голову в дверь комнаты миссис Баэр.

За последние полчаса в дверь просунулась уже пятая голова, но миссис Баэр к этому привыкла, а потому подняла глаза и деловито спросила:

- В чем дело, дружок?

Нат вошел, тщательно прикрыл дверь и взволнованно выпалил:

- Дан пришел.

- Кто такой Дан?

- Мальчик, с которым я был знаком, когда был уличным музыкантом. Он продавал газеты и был ко мне очень добр, и вот я на днях встретил его в городе, рассказал, как тут хорошо, вот он и пришел.

- Милый, я бы сказала - довольно неожиданный визит.

– Это не визит, он бы остался, если вы позволите, – наивно объяснил Нат.

– Ну, не знаю... – начала было миссис Баэр, несколько опешив от такого прямолинейного предложения.

– Ну, я подумал, что вы позволяете всем бедным мальчикам у вас селиться и со всеми обходитесь так же по-доброму, как и со мной, – произнес Нат, удивленный и встревоженный.

– Так и есть, но прежде нужно узнать, кто они такие. Приходится выбирать, их слишком много. На всех места не хватит. Жаль, конечно.

– Я сказал ему прийти, потому что подумал, что он вам понравится, но если места нет, пусть идет обратно, – скорбно объявил Нат.

Миссис Баэр тронула убежденность паренька в ее гостеприимстве, ей не хватило духу его разочаровать и испортить его невинный замысел, а потому она сказала:

– Расскажи мне про этого Дана.

– Да я ничего не знаю, только что он сирота, бедный, а мне сделал много добра, вот и я тоже хотел ему сделать добро, если получится.

– Превосходные причины, все как одна, вот только, Нат, в доме полно народу, даже не знаю, куда его поселить, – сказала миссис Баэр, уже почти готовая стать той самой спасительной гаванью, которой, видимо, и считал ее Нат.

– Пусть спит в моей кровати, а я буду в сарае. Сейчас тепло, я не против, мы с папой где только не спали! – горячо произнес Нат.

Что-то в его словах и выражении лица заставило миссис Джо положить руку ему на плечо и сказать самым своим доброжелательным тоном:

– Приведи своего друга, Нат. Полагаю, мы найдем ему место, кроме твоей кровати.

Нат радостно выскочил из комнаты и скоро вернулся с довольно противным на вид парнишкой – тот стоял ссутулившись и озирался с видом отчасти дерзким, отчасти угрюмым – после первого же взгляда миссис Баэр сказала про себя: «Боюсь, дело плохо».

– Это Дан, – сказал Нат, явно рассчитывая на теплое приветствие.

– Нат сказал, что ты хотел бы пожить у нас, – приветливым тоном начала миссис Джо.

– Да, – прозвучал хмурый ответ.

– О тебе некому позаботиться?

– Да.

– Скажи: «Да, мадам», – прошептал Нат.

– Еще чего, – пробормотал Дан.

– Сколько тебе лет?

– Типа четырнадцать.

– На вид ты старше. А что ты умеешь делать?

– Да чего угодно.

– Если ты здесь останешься, придется делать то же, что и все: не только играть, но и учиться, и работать. Ты согласен на это?

– Чего бы не попробовать.

– Хорошо, тогда оставайся на несколько дней, посмотрим, как мы уживемся. Ступай, Нат, и займись им, пока не вернется мистер Баэр, там и порешим, – сказала миссис Джо, которой было неловко в обществе этого угрюмого юнца,

неотрывно глядевшего на нее пристальным и подозрительным взглядом больших черных глаз, до неприятного недетских.

- Пошли, Нат, - сказал он и двинулся к двери, все так же сутулясь.

- Благодарю вас, мадам, - добавил Нат, выходя вслед за Даном. - Он ощутил, хотя и не до конца понял разницу между тем, как в этом доме приняли его и как - его невоспитанного приятеля.

- Мальчики показывают в сарае цирковое представление. Хочешь пойти посмотреть? - предложил Нат, когда они спустились по широким ступеням на газон.

- Большие мальчики? - уточнил Дан.

- Нет, большие ушли на рыбалку.

- Ну, тогда двинули, - согласился Дан.

Нат отвел его в просторный сарай и представил своим приятелям - те развлекались на полупустом чердаке. На просторном полу выложили из сена большой круг, в центре стоял Деми с длинным хлыстом, а Томми скакал по «арене» верхом на долготерпеливом Тоби, изображая обезьянку.

- По булавке с каждого, кто хочет смотреть представление, - заявил Тюфяк, стоявший рядом с тачкой, в которой размещался оркестр, - он состоял из расчески, на которой играл Нед, и игрушечного барабана, по которому неритмично молотил Роб.

- Он со мной, плачу за обоих, - великодушно объявил Нат, втыкая две кривые булавки в сухой гриб, служивший кассой.

Кивнув другим зрителям, они уселись на доски, а представление продолжилось. После номера с обезьянкой Нед продемонстрировал им свою незаурядную ловкость, прыгая через старый стул и по-матросски карабкаясь по веревочным лестницам. Потом Деми сплясал джигу, да с таким серьезным видом - просто загляденье. Ната вызвали бороться с Тюфяком, он быстро уложил своего пухлого

приятеля на лопатки. После этого Томми вышел крутить сальто – он очень гордился этим своим достижением, в которое вложил немало сил и терпения, упражняясь в одиночестве до синяков на каждом суставе своего маленького тела. Трюк его вызвал шквал аплодисментов, и он собирался уже покинуть арену, раскрасневшись от гордости и прилива крови к голове, как вдруг из зрительских рядов прозвучало презрительное:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Капитан Уильям Кидд (1645–1701) – шотландский, а потом американский пират, а точнее – капер (то есть он имел официальное разрешение правительства атаковать и захватывать суда, принадлежавшие неприятельской державе). Прославился своей храбростью (равно как и жестокостью), впоследствии стал героем многих литературных произведений. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Пифагор Самосский (570–490 до н. э.) – древнегреческий философ и математик, создатель собственной философской школы, а также теоремы, названной по его имени и ставшей одной из основ современной геометрии.

3

Мег и Джон – Маргарет и Джон Брук, родители Деми, – персонажи романов Луизы Олкотт «Маленькие женщины» и «Юные жены».

4

Бетти (сокращенное от Элизабет) – распространенное имя девушек из простонародья и служанок.

5

Цитата из пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

6

Кастор и Поллукс – герои древнегреческих и древнеримских мифов, близнецы. Отличались силой, доблестью, а также крепкой дружбой.

7

К

здесь означает «Компания». Так называли фирмы, в которые несколько партнеров вложили свой капитал и, соответственно, стали их совладельцами.

8

Маргаритка по-английски – «дейзи».

9

Речь идет об английской народной сказке «Джек и бобовый стебель», в которой храбрый мальчик Джек выращивает из волшебного боба стебель до самого неба, забирается туда и побеждает великана-людоеда.

10

«Тысяча и одна ночь» – сборник средневековых арабских народных сказок, которые в начале XVIII века были переведены на английский и стали популярным детским чтением (как, кстати, и в России).

11

«Гарри и Люси», «Фрэнк» – произведения популярной ирландской писательницы Марии Эджеворт (1767–1849), писавшей и для детей, и для взрослых.

Упомянутые здесь книги рассказывают о том, как дети познают окружающий мир, и, кстати, предназначены для совместного чтения и обсуждения младших детей со старшими, то есть Эджеворт, как и Олкотт, считала, что дети могут учиться не только у взрослых, но и друг у друга.

12

«Милый Роланд и девица Ясный Цвет» – сказка братьев Гримм.

13

«Синдбад-мореход» – часть сборника сказок «Тысяча и одна ночь», повествующая о приключениях храброго купца и путешественника.

14

Бискайский залив Атлантического океана омывает берега Испании и Франции.

15

Мэри Хауитт (1799–1888) – английская поэтесса. Здесь приведена строфа из ее поэмы для детей «Мейбл и день летнего равноденствия».

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/luiza-mey-olkott/malen-kie-muzhchiny>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)